3 1761 06380782 0

PG
3235
R4S96
1911
c.1
ROBARTS

Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from

the estate of

MISHA ALLEN

СВОБОДНАЯ ПѢСНЬ

СБОРНИКЪ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ

ПѢСЕНЪ И СТИХОТВОРЕНІЙ

1916 г.

Д. Душинъ.

ЦѢНА 30 СЕНТ.

Russian Songs of Freedom

Изданіе Книжнаго Склада

MAX N. MAISEL

422 CRAND STREET, NEW YORK

1911

LIBRARY
NOV 2 3 2004
UNIVERSITY OF TORONTO

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА
Д. ДУШИНЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рабочая Марсельеза 5
Пѣсня пролетаріевъ 7
Марсельеза 10
Интернаціоналъ 12
Народный маршъ 14
Варшавянка 15
Красное знамя 17
Демонстрація. Рядового 18
Смѣло, друзья, не теряйте 20
Смѣло, товарищи, въ ногу Л. Радина 21
Впередъ! За родину, друзья. Студентки 23
Бѣснуйтесь, тираны, глумитесь надъ нами 24
Молодая Русь 25
Слава свободѣ и труду 27
Похоронный маршъ 28
Послѣднее прости 29
Ужъ ты, доля, моя доля. 30
Тяжко, братцы, намъ живется 32
Пѣсня рубильщиковъ. П. Якубовича 33
Пѣсня ткача 34
Первомайскій праздникъ 35
Первомайскій кличъ 38
Первомайская пѣсня 40
Первое Мая 42
Дубинушка 44
Машинушка 46
На родинѣ 49
Въ добрый часъ 51
Тайное собраніе 53
Осада Кіевскаго Университета 55
Призывная пѣсня 59
Колыбельная пѣсня 61
Колыбельная пѣсня. В. Фигнеръ 64
Звѣзды. В. А. Столешникова 66
Я слышу звукъ его рѣчей. Данина 67
Призывъ. Рабочаго. 69
Лѣсъ рубятъ 70
Снова я слышу родную лучину. Л. Радина 71
Смѣло, друзья, идемъ впередъ... Л. Радина. 72
"Мальчишка" О. П. 73

Завѣщаніе 74
Изъ пѣсенъ Бутырцевъ 75
По выходѣ изъ тюрьмы. Слесаря 76
Спящимъ 77
Намъ выпало счастье—всѣ лучшія силы. В. Фигнеръ 79
Памяти друга. М. Андрійко 80
Погибшимъ борцамъ. В. Фигнеръ 81
Жертвамъ 9-го Января 81
Памяти С. В. Балмашева 83
Памяти Н. Э. Баумана. А. Истомина 83
Пусть грянетъ бой. Каляева 85
Узнику. Н. Морозова 86
Друзья 87
Матери. Я. 88
Матери. П. Якубовича 89
Порогъ. И. Тургенева 90
Новая тюрьма 91
Пѣсни юности 94
Не скорбнымъ, безсильнымъ, остывшимъ бойцамъ 96
Впередъ 98
Что за картина безсмысленно-дикая 99
Къ солдату. Симферопольца-Эмигранта 101
Два стана 103
Пѣсня о рубашкѣ. Томаса Гуда 105
Кто подъ землей и на землѣ 109
Кто золото добылъ для царской короны 110
Сынамъ труда — свободу дать 112
Вѣтеръ 114
Вольный рабочій В. Ж. 115
Мы свободны. Л. Мунштейна 116
Дубинушка 117
Утрата 119
Сказка о попѣ и чертѣ 123
Федорушка. А. Толстой 127
Царь и мужикъ 130
Депутатамъ 132
Дознаніе. Пекаря 133
Что ты спишь, дурачекъ... 141
Посвящается намѣстнику безъ Дальняго Востока 143
Конституція. Чирикова 147
Пѣсня о Буревѣстникѣ. М. Горькаго 149
Разрушенный молъ. Г. Гершуни 151

РАБОЧАЯ МАРСЕЛЬЕЗА.

(Изъ "Впередъ").

Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ!
Намъ враждебны златые кумиры,
Ненавистенъ намъ царскій чертогъ.
Мы пойдемъ въ ряды страждущихъ братій,
Мы къ голодному люду пойдемъ;
Съ нимъ пошлемъ мы злодѣямъ проклятья,
На борьбу мы его позовемъ:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищаютъ тяжелый твой трудъ.
Твоимъ потомъ жирѣютъ обжоры;
Твой послѣдній кусокъ они рвутъ.
Голодай, чтобъ они пировали!
Голодай, чтобъ въ игрѣ биржевой
Они совѣсть и честь продавали,
Чтобъ ругались они надъ тобой!

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
и т. д.

Тебѣ отдыхъ — одна лишь могила!
Каждый день — недоимку готовь;
Царь-вампиръ изъ тебя тянетъ жилы;
Царь-вампиръ пьетъ народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
и т. д.

Не довольно-ли вѣчнаго горя?
Встанемъ, братья, повсюду заразъ!
Отъ Днѣпра и до Бѣлаго моря,
И Поволжье, и дальній Кавказъ!
На воровъ, на собакъ — на богатыхъ!
Да на злого вампира-царя.
Бей, губи ихъ, злодѣевъ проклятыхъ!
Засвѣтись, лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

ПѢСНЬ ПРОЛЕТАРІЕВЪ.

(На мотивъ Марсельезы).

Мы марсельезы гимнъ старинный
На новый ладъ теперь споемъ —
И пусть трепещутъ властелины
Передъ проснувшимся врагомъ!
Пусть въ пѣснѣ мощной и свободной
Ихъ поразитъ, какъ грозный бичъ,
Могучій зовъ, побѣдный кличъ,
Великій кличъ международный:

Пролетаріи всѣхъ странъ,
Соединяйтесь въ дружный станъ!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народъ-титанъ!

Вѣками длится бой упорный...
Не разъ мятежною рукой
Народъ платилъ за гнетъ позорный
И разрушилъ за строемъ строй.
Но никогда призывъ свободный
Такою мощью не дышалъ,
Такой угрозой не звучалъ,
Какъ этотъ кличъ международный:

Пролетаріи всѣхъ странъ,
Соединяйтесь въ дружный станъ!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народъ-титанъ!

Силенъ нашъ врагъ, буржуазія!
Но вслѣдъ за ней, на грозный судъ,
Какъ безпощадная стихія,
Ея могильщики идутъ...
Она сама рукой безпечной
Куетъ тотъ мечъ, которымъ мы,
Низвергнувъ власть позорной тьмы,
Проложимъ путь къ свободѣ вѣчной!

Пролетаріи всѣхъ странъ,
Соединяйтесь въ дружный станъ!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народъ-титанъ!

Не устрашитъ насъ бой суровый:
Нарушивъ вашъ кровавый пиръ,
Мы потеряемъ лишь... оковы,
Но завоюемъ — цѣлый міръ!
Дрожите-жъ, жалкіе тираны!
Уже подхваченъ этотъ зовъ:
Подъ краснымъ знаменемъ борцовъ
Ужъ подымаются всѣ страны!

Пролетаріи всѣхъ странъ,
Соединяйтесь въ дружный станъ!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народъ-титанъ!

Въ странѣ, подавленной безправьемъ,
Вамъ слышно-ль? Близокъ ураганъ:
То въ смертный бой съ самодержавьемъ
Вступаетъ русскій великанъ...
Передъ зарею пробужденья
Уже блѣднѣетъ ваша тѣнь!..
Впередъ, на бой! Предъ нами день,
Великій день освобожденья!..

Пролетаріи всѣхъ странъ,
Соединяйтесь въ дружный станъ!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народъ-титанъ!

МАРСЕЛЬЕЗА.

Впередъ, сыны страны родной
Дни славы наступили!
Тираны дикою толпой
Въ нашъ вольный край вступили! (2 раза).
Вамъ слышны ли у очаговъ
Солдатъ свирѣпыхъ клики?
Друзья, тамъ вашихъ бьютъ сыновъ,
Подругъ тамъ вашихъ крики!

Къ оружію, народъ!
Сомкни свои ряды!
Впередъ! впередъ!
Пусть кровь враговъ замоетъ ихъ слѣды!

Что хочетъ здѣсь орда рабовъ
Съ злодѣями — вождями?
Кому желѣзо сихъ оковъ
Куется ихъ царями? (2 раза).
Друзья, то намъ!.. Какое звѣрство!..
И какъ тутъ злобой не пылать,
Когда намъ рабство, изувѣрство,
Хотятъ штыками навязать.

Къ оружію, народъ! и т. д.

Какъ! Чужеземныя толпы
Намъ предписать законъ посмѣютъ?
Какъ! Ихъ наемныя орды
Сыновъ отчизны одолѣютъ? (2 раза).
Великій Богъ!.. Скуютъ намъ длани
И подъ ярмо поставятъ вновь,
Чтобы зачинщикъ этой брани
Могъ вновь сосать народа кровь!?

Къ оружію, народъ! и т. д.

Дрожи, тиранъ! Дрожите вы,
Крамольники въ изгнаньи,
Измѣнники родной страны,
Вамъ будетъ воздаянье! (2 раза).
Здѣсь всякъ — солдатъ, чтобы васъ бить,
И пусть падутъ герои:
Земля родитъ иныхъ, чтобъ мстить
Въ ожесточенномъ боѣ!

Къ оружію, народъ! и т. д.

Веди-жъ побѣднымъ насъ путемъ,
Любовь къ странѣ святая!
Будь лозунгомъ своимъ борцамъ,
Ты, вольность дорогая! (2 раза).
И пусть, съ побѣдой, прошумитъ
Гражданственность намъ: "слава!"

Да вся вселенная узритъ,
Что мы стоимъ за право!

Къ оружію, народъ! и т. д.

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ.

Вставай, проклятіемъ заклейменный
Весь міръ голодныхъ и рабовъ!
Кипитъ нашъ разумъ возмущенный
И въ смертный бой вести готовъ.

Весь міръ насилья мы разроемъ
До основанья, — а затѣмъ
Мы нашъ, мы новый міръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ.

Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой!
Съ интернаціоналомъ
Воспрянетъ родъ людской! (2 раза)

Никто не дастъ намъ избавленья —
Ни Богъ, ни царь и не герой!

Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Чтобъ свергнуть гнетъ рукой умѣлой
Отвоевать свое добро
Вздувайте горнъ и куйте смѣло
Пока желѣзо горячо.

Припѣвъ:
Это будетъ послѣдній и т. д.

Лишь мы, работники всемірной
Великой арміи труда,
Владѣть землей имѣемъ право. —
Но паразиты — никогда!

И если громъ великій грянетъ
Надъ сворой псовъ и палачей, —
Для насъ все такъ-же солнце станетъ
Сіять огнемъ своихъ лучей...

Припѣвъ:
Это будетъ послѣдній и т. д.

НАРОДНЫЙ МАРШЪ.

По фабрикамъ душнымъ, по тюрьмамъ холодным
Несется задушевный стонъ;
По хатамъ убогимъ, полямъ недородным,
Какъ эхо разносится онъ!..
Но скоро поймутъ угнетенные братья,
Что сила — въ народныхъ рукахъ!..
И вмѣсто молитвы — раздадутся проклятья,
И месть запылаетъ въ очахъ!..

Прочь, непогода,
Солнце встаетъ!..
Все — для народа;
Все — за народъ!.. (2 раза)

Пусть жизни хоронятъ во тьмѣ каземата;
Пусть стонетъ несчастный народъ —
Вѣдь каждое слово погибшаго брата
Намъ новыя силы даетъ!..
И время наступитъ: исчезнетъ насилье,
Какъ долгій томительный сонъ...
И въ битву мы вступимъ расправивши крылья
Подъ сѣнью кровавыхъ знаменъ!..

Припѣвъ: (2 раза).

И въ битву мы вступимъ... не зная пощады.
Свершимъ мы отмщенія пиръ;
И всюду построимъ тогда барикады.
И ими покроемъ весь міръ!..
Сбивайте-жъ друзья, трудовыми руками
Позорныя путы оковъ!..
Идите скорѣе съ косой и серпами
Подъ знамя народныхъ борцовъ!..

Припѣвъ: (2 раза).

ВАРШАВЯНКА.

(Польская революціонная пѣснь).

Вихри враждебные воютъ надъ нами,
Темныя силы насъ злобно гнетутъ,
Въ бой роковой мы вступили съ врагами,
Насъ еще судьбы безвѣстныя ждутъ.
Но мы поднимемъ гордо и смѣло
Знамя борьбы за рабочее дѣло,
Знамя великой борьбы всѣхъ народовъ
За лучшій міръ, за святую свободу.

На бой кровавый,
Святой и правый,

Маршъ, маршъ впередъ,
Рабочій народъ! (2 раза).

Мретъ въ наши дни съ голодухи рабочій,
Станемъ-ли дольше мы, братья, молчать?
Нашихъ сподвижниковъ юныя очи
Можетъ-ли видъ жандарма пугать?
Въ битвѣ великой не сгинутъ безслѣдно
Павшіе съ честью во имя идей,
Ихъ имена съ нашей пѣснью побѣдной
Станутъ священны милліонамъ людей.

На бой кровавый и т. д. (2 раза).

Намъ ненавистны тирановъ короны,
Цѣпи народа-страдальца мы чтимъ.
Кровью народной залитые троны
Мы кровью нашихъ враговъ обагримъ.
Месть безпощадная всѣмъ супостатамъ,
Всѣмъ паразитамъ трудящихся массъ,
Мщеніе и смерть всѣмъ царямъ-плутократамъ,
Близокъ побѣды торжественный часъ.

На бой кровавый и т. д. (2 раза).

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

(Польская рабочая пѣснь "Czerwony Sztandar")

Слезами залитъ міръ безбрежный,
Вся наша жизнь тяжелый трудъ.
Но день настанетъ неизбѣжный
Неумолимо грозный судъ!

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! Мчись кругомъ!
Надъ міромъ наше знамя вѣетъ
И несетъ кличъ борьбы, мести громъ,
Сѣмя грядущаго сѣетъ.
Оно горитъ и ярко рдѣетъ,
То наша кровь горитъ на немъ,
То кровь работниковъ на немъ!

Пусть слуги тьмы хотятъ насильно
Связать разорванную сѣть,
Слѣпое зло падетъ безсильно,
Добро не можетъ умереть!

Припѣвъ:
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Бездушный гнетъ, тупой, холодный,
Готовъ погибнуть, наконецъ,

Намъ будетъ счастьемъ трудъ свободный
И братство дастъ ему вѣнецъ.

Припѣвъ:
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Скорѣй, друзья! Идемъ всѣ вмѣстѣ,
Рука съ рукой и мысль одна!
Кто скажетъ бурѣ: стой на мѣстѣ?
Чья власть на свѣтѣ такъ сильна?

Припѣвъ:
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Долой тирановъ! прочь оковы,
Не нужно старыхъ, рабскихъ путъ!
Мы путь землѣ укажемъ новый,
Владыкой міра будетъ трудъ!

Припѣвъ:
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

ДЕМОНСТРАЦІЯ.

Знамья красное ужъ вьется,
Выше, братцы, поднимайте!
Кличъ призывный раздается:
Эй, тѣснѣй ряды смыкайте!

И по улицамъ широкимъ,
Какъ волна могучихъ водъ,
Мы шагнемъ живымъ потокомъ
Все смѣлѣе, все впередъ!

Возвѣстимъ всему народу
Пѣсней звонкою своей
Мы грядущую свободу,
Зорю новыхъ, свѣтлыхъ дней.

Дней безъ слезъ и безъ страданій,
Безъ господъ и безъ рабовъ;
Дней, когда взамѣнъ тираній,
Будетъ братство и любовь.

Гряньте-жъ, братцы, удалую
Пѣсню громче, веселѣй,
Чтобъ она всю Русь святую
Взбудоражила скорѣй!..

Чтобъ народъ весь угнетенный,
Сбросивъ гнетъ своихъ оковъ,
Вдругъ явился возбужденный,
На горячій братскій зовъ.

И исполненъ силъ кипучихъ,
Словно сказочный герой,
Онъ тряхнетъ своей могучей,
Богатырскою главой.

Онъ тряхнетъ — и разомъ грохнетъ
Тронъ державнаго царя.
И надъ Русью ярко вспыхнетъ
Славной волюшки заря.

Рядовой.

---

* *
*

Смѣло, друзья, не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою,
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою!

Если жъ погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ,
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ! (2 раза)

Пусть насъ по тюрьмамъ сажаютъ,
Пусть насъ пытаютъ огнемъ.
Пусть въ рудники насъ ссылаютъ,
Пусть мы всѣ казни пройдемъ!

Если погибнуть придется и т. д.

Стонетъ и тяжко вздыхаетъ
Бѣдный нашъ русскій народъ,
Руки онъ намъ простираетъ,
Насъ онъ на помощь зоветъ!

Если погибнуть придется и т. д.

Часъ обновленья настанетъ,
Воли добьется народъ
Добрымъ насъ словомъ помянетъ,
Къ намъ на могилу придетъ.

Что жъ, пусть погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ, —
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ!

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА
Д. ДУШИНЪ

* *
*

Смѣло товарищи въ ногу
Духомъ окрѣпнемъ въ борьбѣ
Въ царство свободы дорогу
Грудью проложимъ себѣ

2 раза.

Вышли мы всѣ изъ народа,
Дѣти семьи трудовой.
"Братскій союзъ и свобода",
Вотъ нашъ девизъ боевой. } 2 раза.

Долго въ цѣпяхъ насъ держали,
Долго насъ голодъ томилъ,
Черные дни миновали,
Часъ искупленья пробилъ. } 2 раза.

Время за дѣло приняться,
Въ бой поспѣшимъ мы скорѣй,
Нашей-ли рати бояться
Призрачной силы царей. } 2 раза.

Все вѣдь, чѣмъ держатся троны —
Дѣло рабочей руки...
Сами набьемъ мы патроны,
Къ ружьямъ привинтимъ штыки. } 2 раза

Свергнемъ могучей рукою
Гнетъ роковой навсегда
И водрузимъ надъ землею
Красное знамя труда. } 2 раза.

Л. Радинъ.

* *
*

Впередъ! За родину друзья, —
За право и свободу!
Въ борьбѣ со зломъ, сомнѣній нѣтъ,
Побѣда намъ — народу!

Мы долго въ мракѣ ночи шли,
Терпѣли всѣ мученья,
Но близокъ, близокъ день, друзья! —
Бьетъ часъ освобожденья.

Возстаньте родины сыны!
Къ оружью! За свободу!
И знайте — въ томъ сомнѣній нѣтъ —
Побѣда намъ народу!

За кровь всѣхъ тѣхъ, кто раньше палъ
Въ святой борьбѣ за право —
Мы отомстимъ! Взойдетъ заря
Подъ заревомъ кровавымъ!

Погибель царству зла и тьмы!
И образъ просвѣтленный
Сквозь дымъ сраженій видимъ мы
Россіи обновленной.

Впередъ! Зовемъ мы всѣхъ къ борьбѣ,
За счастье народа —
Да здравствуетъ Россія мать!
Да здравствуетъ свобода!

Студентка.

---

* *
*

Бѣснуйтесь, тираны, глумитесь надъ нами,
Грозитесь свирѣпо тюрьмой, кандалами.
Мы — вольны душою, хоть тѣломъ попраны,—
Позоръ, позоръ, позоръ вамъ, тираны!

Пусть слабые духомъ трепещутъ предъ вами,
Торгуютъ безстыдно святыми правами;
Тѣлесной неволи не страшны намъ раны. —
Позоръ, позоръ, позоръ вамъ, тираны!

За тяжелымъ трудомъ, въ долѣ вѣчнаго рабства,
Народъ угнетенный копитъ вамъ богатства;
Но рабство и муки не сломятъ титана —
На страхъ, на стыдъ, на страхъ вамъ, тираны!

Въ рудникахъ подъ землею, за станкомъ и на полѣ,
Вездѣ раздаются ужъ пѣсни о волѣ,

И звуки тѣхъ пѣсенъ доходятъ до троновъ —
На страхъ, на страхъ, на страхъ всѣмъ
тиранамъ!

Сверкайте штыками, грозите войсками, —
Спасти васъ не могутъ казармы съ тюрьмами,
Вашъ собственный страхъ не сковать вамъ
цѣпями!
И стыдъ, и страхъ, и месть вамъ, тираны!

МОЛОДАЯ РУСЬ.

Прочь съ дороги, міръ отжившій,
Сверху до низу прогнившій:
Молодая Русь идетъ!
И сплоченными рядами
Выступая въ бой съ врагами,
Пѣсни новыя поетъ.

Пни гнилые заслоняя,
Дружно зелень молодая
Къ солнцу тянется листвой. —
Къ солнцу, къ радости, къ лазури,
Не страшась, ни тучъ, ни бури,
Насмѣхаясь надъ грозой.

Прочь съ дороги все, что давитъ,
Что свободѣ сѣти ставитъ, —
Зла, насилія жрецы!
Вамъ пора покинуть сцену,
Выступаемъ вамъ на смѣну
Мы, отважные борцы!

Мы, рожденные рабами!
Мы, вспоенные слезами,
Мы, вскормленные нуждой!
Изъ тюрьмы, изъ злой неволи
Рвемся всѣ мы къ лучшей долѣ,
Рвемся всѣ съ неправдой въ бой!

Дѣти родины опальной,
Шьемъ мы саванъ погребальный
Палачамъ родной страны.
Въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ отдаленной
Гимнъ слагаемъ похоронный
Царству зла, насилья, тьмы.

Крѣпче стали наши руки,
Не страшны намъ смерти муки,
Не боимся мы цѣпей.
Мы не дрогнемъ, не отступимъ,
Мы цѣной кровавой купимъ
Счастье родины своей.

Къ намъ, подъ знамя боевое,
Къ намъ, все честное, живое,

Къ намъ, борцовъ отважныхъ рать!
Ураганомъ, бурей грянемъ,
И въ бою съ врагами станемъ,
Счастье — волю добывать!

Прочь съ дороги, злыя силы!
Васъ давно ужъ ждутъ могилы
Молодая Русь идетъ!
И сплоченными рядами
Выступая въ бой съ врагами,
Пѣсни новыя поетъ.

СЛАВА СВОБОДѢ И ТРУДУ.

Поется на голосъ:
"Славься, славься", М. Глинки.

Славься, свобода и честный нашъ трудъ!
Пусть насъ за правду въ темницу запрутъ,
Пусть насъ пытаютъ и жгутъ насъ огнемъ, —
Пѣсню свободѣ и въ пыткѣ споемъ.

Славься же, славься, родимая Русь,
И предъ царемъ и кнутами не трусь;
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорѣе, родимая, встань!

ПОХОРОННЫЙ МАРШЪ.

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной къ народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!

Порой изнывали по тюрьмамъ сырымъ;
Свой судъ безпощадный надъ вами
Враги-палачи изрекали порой,
И шли вы, гремя кандалами.

А деспотъ пируетъ въ роскошномъ дворцѣ,
Тревогу виномъ заливая,
Но грозныя буквы давно на стѣнѣ
Чертитъ ужъ рука роковая!

Настанетъ пора, и проснется народъ,
Великій, могучій, свободный!
Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Вашъ доблестный путь, благородный!

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ

Замученному въ острогѣ Чернышеву, борцу за народное дѣло.

Замученъ тяжелой неволей,
Ты славною смертью почилъ...
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты голову честно сложилъ...

Служилъ ты не долго, — но честно
Для блага родимой земли...
И мы, — твои братья по дѣлу, —
Тебя на кладбище снесли...

Нашъ врагъ надъ тобой не глумился...
Кругомъ тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиныя очи твои...

Не горе намъ душу давило, —
Не слезы блистали въ очахъ,
Когда мы, прощаясь съ тобою,
Землей засыпали твой прахъ; —

Нѣтъ, злоба насъ только душила!
Мы къ битвѣ съ врагами рвались

И мстить за тебя безпощадно
Надъ прахомъ твоимъ поклялись...

Съ тобою одна намъ дорога: —
Какъ ты, мы въ острогахъ сгніемъ...
Какъ ты, — для народнаго дѣла
Мы головы наши снесемъ;

Какъ ты, — мы, быть можетъ, послужимъ
Лишь почвой для новыхъ людей,
Лишь грознымъ пророчествомъ новыхъ,
Грядущихъ и доблестныхъ дней...

Но знаемъ, какъ зналъ ты, родимый,
Что скоро изъ нашихъ костей
Подымется мститель суровый
И будетъ онъ насъ посильнѣй.

(Изъ "Впередъ"!).

---

* *
*

Ужъ ты доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Ужъ за что жъ ты меня, доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой,
Стороны своей лишился
За крестьянскій міръ честной.

Годъ въ ту пору былъ голодный.
Стали подати сбирать,
И послѣдніе пожитки,
Всю скотину продавать.

Я отъ міра съ челобитной
Къ самому царю пошелъ,
Но схватили на дорогѣ,
До царя я не дошелъ.

И по царскому велѣнью
За прошеніе мужиковъ,
Его милости плательщикъ
Сподобился кандаловъ.

Далеко село родное,
А хотѣлось бы узнать,
Удалось-ли односельцамъ
Съ шеи подати скачать.

* *
*

Тяжко, братцы, намъ живется
На Руси святой!
Каждый шагъ намъ достается
Роковой борьбой!

Все, что лживо и фальшиво,
Правитъ всей страной;
Все, что честно и правдиво,
Топчется ногой.

Мы страдали, гибли, пали
За народъ родной!
На эшафотахъ погибали
За идеалъ святой!

Всѣ народы ужъ свободы
Добились давно,
А у насъ однѣ невзгоды,
И темно, темно.

Ну же, братцы, вы беритесь
За дѣла скорѣй,
Отъ оковъ освободитесь
Отъ своихъ цѣпей!

ПѢСНЯ РУБИЛЬЩИКОВЪ.

Тамъ, гдѣ холодомъ облиты,
Сопки высятся кругомъ, —
Обезличены, обриты,
Въ кандалахъ и подъ штыкомъ,
Въ полумракѣ шахты душной,
Не жалѣя силъ и рукъ,
Мы долбимъ гранитъ бездушный
Монотоннымъ тукъ да тукъ!

Гдѣ высокіе порывы,
Сны о правдѣ и добрѣ?
Ранній гробъ себѣ нашли вы
Въ темной каторжной норѣ!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано изъ рукъ...
Заглушая сердца раны,
Мы стучимъ лишь тукъ да тукъ!

Съ нелюдимаго востока,
Съ плачемъ снѣжныхъ непогодъ,
Этотъ стукъ пройдетъ далеко,
Въ грудь отчизны западетъ!
И на гибнущее дѣло
Вышлетъ сотни свѣжихъ рукъ...
Бейте жъ, братья, бейте смѣло,
Неустанно: тукъ! тукъ! тукъ!

П. Якубовичъ.

ПѢСНЯ ТКАЧА.

Грохотъ машинъ, духота нестерпимая,
Въ воздухѣ клочья хлопка;
Масломъ прогорѣлымъ воняетъ удушливо —
Да, жизнь ткача не легка!

Нитка порвалась въ основѣ канальская.
Эхъ! Распроклятая снасть!
Сколько грѣха-то ты примешь здѣсь на душу,
Господи, Боже, такъ страсть!

Ахъ, да зачѣмъ же, зачѣмъ же вы льетеся
Горькія слезы изъ глазъ?
Дѣлу помѣха, основу попортите, —
Быть мнѣ въ отвѣтѣ за васъ!

Какъ не завидовать главному мастеру,
Что у окошка стоитъ,
Чай попиваетъ, да гладитъ бородушку?
Видно душа не болитъ!
Ласковъ на взглядъ, а пойди къ нему вечеромъ:
Станешь работу сдавать,
Онъ и коритъ, и бранитъ, и ругается,
Все норовитъ браковать.

Все норовитъ, чтобъ поменьше досталося
Нашему брату-ткачу.
Эхъ! Главный мастеръ, хозяинъ, надсмотрщикъ,
Жить вѣдь я тоже хочу...

ПЕРВОМАЙСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Поется на голосъ:
"Жизни тотъ одинъ достоинъ,
"Кто на смерть всегда готовъ"...

Праздникъ свѣтлый и свободный,
Славься, первый майскій день!
Нашъ союзъ международный
Новымъ блескомъ ты одѣнь.

Ужъ прошелъ и годъ десятый,
Съ той поры, какъ цѣлый свѣтъ
Облетѣлъ призывъ крылатый:
Въ этотъ день работы нѣтъ!

Пусть же мчится въ общемъ хорѣ
Міровому гимну вслѣдъ
Черезъ горы, черезъ море
Нашъ торжественный отвѣтъ!

Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ откликъ грянетъ разомъ.
Какъ весенній первый громъ!

Наша жизнь идетъ въ неволѣ,
Наша родина — тюрьма,
Нѣтъ позорнѣй нашей доли,
Нѣтъ ужаснѣе ярма.

Встаньте, встаньте ратью смѣлой!
Силу далъ намъ бодрый трудъ.
Словно ленъ перегорѣлый,
Наши цѣпи упадутъ.

Развѣ даромъ такъ упорно
Напрягается рука
У пылающаго горна
И жужжащаго станка?

Пусть изъ горна это пламя
Хлынетъ вонъ живымъ ключемъ
И освѣтитъ, словно знамя,
Цѣлый міръ своимъ лучемъ.

Нашъ хозяинъ, тароватый
На увертливую ложь,
Соблазняетъ насъ приплатой,
Посуливъ намъ лишній грошъ...

На посулъ его лукавый
Мы дадимъ одинъ отвѣтъ:
Славься, праздникъ величавый!
Въ этотъ день работы нѣтъ!

За хозяиномъ жандармы
Торопливо бьютъ въ набатъ
И выводятъ изъ казармы
Противъ насъ ряды солдатъ.

Насъ угроза не принудитъ,
Нашъ отвѣтъ готовъ давно:
Въ этотъ день труда не будетъ,
Мы рѣшили заодно.

Встаньте, братья, бодро, дружно!
Всѣ въ ряды!.. Плечо съ плечомъ!..
Только сразу встать намъ нужно, —
Всякій врагъ намъ нипочемъ.

Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ голосъ грянетъ разомъ,
Какъ веселый первый громъ!...

ПЕРВОМАЙСКІЙ КЛИЧЪ.

Нашъ праздникъ рабочій пришли мы справлять; —
Да здравствуетъ первое мая!
Товарищи, станемъ борьбу прославлять,
Къ свободѣ народъ призывая.

Мы долго терпѣли царевы кнуты,
Мы долго кормили всѣ праздные рты, —
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!..

Горячее солнце на землю глядитъ
И къ жизни зоветъ всю природу,
Огнемъ лучезарнымъ въ насъ пѣсня кипитъ,
То грозная пѣснь про свободу.

Мы долго терпѣли царевы кнуты, и т. д.

Солнце — нашъ факелъ побѣдный,
Возставъ изъ-подъ ига неволи,
Людскихъ униженій и всякихъ невзгодъ,
Онъ въ счастіи требуетъ доли.

Мы долго терпѣли царевы кнуты, и т. д.

Во всѣхъ чужеземныхъ далекихъ краяхъ,
Гдѣ братъ подъ работою гнется,
Милліонами душъ и на всѣхъ языкахъ
Сегодня та пѣсня поется.

Мы долго терпѣли царевы кнуты, и т. д.

Побѣду и счастья мы людямъ несемъ,
Мы всѣмъ завоюемъ свободу
И, кончивъ съ врагомъ, однимъ радостнымъ днемъ.
Ее отдадимъ мы народу.

Мы долго терпѣли царевы кнуты, и т. д.

За міръ, за свободу, за счастье людское.
За радости жизни, за братство святое
Мы дружно сомкнемся въ бою.
Ударимъ же пѣсню свою!

Мы долго терпѣли царевы кнуты.
Мы долго кормили всѣ праздные рты. —
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!..

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Поется на голосъ:
"Дружно, товарищи, въ ногу"...

Выступимъ сомкнутымъ строемъ,
Грудью враговъ отразимъ!
Къ счастію путь всѣмъ откроемъ,
Праздникъ борьбы освятимъ.

Всѣмъ возвѣщая свободу,
Бодро впередъ мы идемъ;
Мы возрожденье — народу,
Гибель — тиранамъ несемъ.

Солнце — нашъ факелъ побѣдный,
Правда — нашъ лозунгъ святой.
Рухнетъ предъ нами безслѣдно
Дряхлый насилія строй.

Знайте жъ, тираны, убійцы,
Сбудется праведный судъ:
Сгинутъ цари-кровопійцы,
Пышные троны падутъ.

Вашъ, кулаки-міроѣды,
Также настанетъ чередъ:
Въ гордомъ сіяньи побѣды
Съ вами сочтется народъ.

Барщины цѣпи, налоги,
Фабрики гнетъ крѣпостной,
Замки, казармы, остроги, —
Дружно снесемъ мы долой.

Слава великимъ идеямъ,
Слава безстрашнымъ бойцамъ!
Развѣ и мы не сумѣемъ
Двинуться ратью къ дворцамъ?

Равенства, братства, свободы
Знаменемъ всѣхъ осѣня,
Бросимъ мы въ мрачные своды
Свѣтъ первомайскаго дня.

Грянемъ мы сомкнутымъ строемъ,
Царство насилья снесемъ;
Все на землѣ перестроимъ,
Все на свой ладъ заведемъ...

ПЕРВОЕ МАЯ.

Маршъ.

Первое мая! Первое мая!
Праздникъ труда и весны!
Праздникъ, въ который свобода святая
Шлетъ намъ отрадные сны!

Будутъ тѣ сны намъ звѣздой путеводною
Въ битвѣ священной со зломъ!
Жизнью счастливою, жизнью свободною
Скоро мы всѣ заживемъ!

Первое мая! Первое мая!
Солнца весенняго лучъ,
Въ окнахъ фабричныхъ маня и играя,
Шлетъ намъ надежду изъ тучъ.

Время придетъ... Эти мрачныя зданія
Общими станутъ тогда
И обратятся изъ мѣста страданія
Въ братскіе храмы труда.

Первое мая! Первое мая!
Снова природа цвѣтетъ;
Съ свѣтлой улыбкой плоды обѣщая,
Къ дружной работѣ зоветъ.

Нашей работой оплодотворенныя,
Зазеленѣютъ поля
И перестанутъ стонать обдѣленные:
Общею будетъ земля!

Первое мая! Первое мая!
Сломаны цѣпи зимы!
Братья, природы завѣтъ соблюдая,
Освободимся и мы!

Прочь ты! терпѣніе вьючной скотины,
Глянемъ, какъ люди, кругомъ...
Дружно! Расправимъ могучія спины,
Полною грудью вздохнемъ!

Первое мая! Первое мая!
Праздникъ весны и труда!
Ради себя и родимаго края
Сбросимъ ярмо навсегда!

Братья, насъ много; ихъ — горсть лишь ничтожная,
И передъ нами весь міръ!
Правда за насъ! Наша сила — надежная!..
Въ бой, какъ на праздничный пиръ!

ДУБИНУШКА.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Про радость и горе въ нихъ пѣли;
Изъ всѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ
Это пѣсня рабочей артели:

Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдетъ (2 раза).
Подернемъ! (2 р.) Ухъ!

И отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ
Эта пѣсня идетъ по наслѣдству,
И лишь только какъ станетъ работать не вмочь,
Мы къ дубинушкѣ, какъ къ вѣрному средству.

Ой, дубинушка... и т. д.

Говорятъ, что мужикъ нашъ работать лѣнивъ,
Пока не взбороздятъ ему спину,
Ну, такъ какъ же забыть нашъ родимый мотивъ
И не пѣть про родную дубину?

Ой, дубинушка... и т. д.

Англичанинъ-хитрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работать не вмочь
Такъ затянетъ родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Тянемъ съ лѣсомъ судно, иль желѣзо куемъ,
Иль въ Сибири руду добываемъ,
Съ мукой, съ болью въ груди одну пѣсню поемъ
Про дубину въ ней все вспоминаемъ.

Ой, дубинушка... и т. д.

И на Волгѣ рѣкѣ, утопая въ пескѣ,
Мы ломаемъ и ноги и спину,
Надрываемъ тамъ грудь и, чтобъ легче тянуть,
Мы поемъ про родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Пускай мучатъ и бьютъ, пускай въ цѣпи куютъ,
Пусть терзаютъ избитую спину,
Будемъ ждать и терпѣть и въ нуждѣ будемъ пѣть
Все про ту же родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Мы пируемъ при блескѣ огней на балахъ,
И шутя мы поемъ про дубину,
А забыли о тѣхъ, кто сидитъ въ кандалахъ
Все за ту же родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Но вѣдь время придетъ, и проснется народъ:
Развернетъ онъ избитую спину
И въ родимыхъ лѣсахъ на враговъ подберетъ
Здоровѣе и крѣпче дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

МАШИНУШКА.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Не про радость, про горе тамъ пѣли;
Изъ тѣхъ пѣсенъ одна въ душу врѣзалась мнѣ,
Это пѣсня рабочей артели!
Эхъ, машинушка, ухнемъ!..
Разъ желѣзная сама пойдетъ!
Наладимъ, да смажемъ и пустимъ!

Англичанинъ мудрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,

А нашъ русскій мужикъ, коль работать не
въ мочь,
Такъ затянетъ родную машину.
(Припѣвъ).

За годами года проходили чредой,
Измѣнилась родная картина;
И дубина съ сохой отошли на покой
Ихъ смѣнила царица машина...
(Припѣвъ).

Старый строй разрушалъ капиталъ властелинъ
Съ корнемъ рвалъ онъ дворянскіе роды,
Мужиковъ и ребятъ изъ родныхъ палестинъ
Гналъ на фабрики, верфи, заводы...
(Припѣвъ).

Гдѣ дворянская жизнь, что лилася рѣкой?
Ужъ не гнутся на барщинѣ спины,
Правитъ Русью купецъ золотою рукой,
Мужиковъ превратилъ онъ въ машины.
(Припѣвъ).

Знать англійскій урокъ не пропалъ — пошелъ
въ прокъ,
Поумнѣлъ нашъ россійскій купчина.
Лишь рабочій порой вопрошаетъ съ тоской:
Что тяжеле: соха иль машина?
(Припѣвъ).

Безъ бояръ, безъ дворянъ оказался нашъ царь.
Кто поддержитъ тебя, сиротина?
Кто опорой тебѣ будетъ въ новой судьбѣ,
Кто замѣнитъ тебѣ дворянина?
(Припѣвъ).

Но нашъ царь не сплошалъ, онъ купца
обласкалъ.
И купецъ ему нынѣ опора,
А россійскій мужикъ ужъ къ машинѣ привыкъ,
Его гложетъ купеческая свора.
(Припѣвъ).

Но страшись, грозный царь, мы не будемъ
какъ встарь
Безотвѣтно сносить свое горе:
За волною волна, подымаясь отъ сна,
Людъ рабочій бушуетъ, какъ море.
(Припѣвъ).

Онъ разрушитъ въ конецъ твой росокшный
дворецъ
И оставитъ лишь пепелъ отъ трона,
И отниметъ въ бою онъ порфиру твою,
И порѣжетъ ее на знамена.
(Припѣвъ).

Фабрикантовъ, купцовъ — твоихъ вѣрныхъ
сыновъ

Точно пыль онъ развѣетъ по полю, —
И на мѣстѣ вражды, да суровой нужды,
Установитъ онъ братство и волю...

(Припѣвъ).

НА РОДИНѢ.

Поется на голосъ:
"Во Францію два гренадера"...

Отъ павшихъ твердынь Портъ - Артура.
Съ кровавыхъ Манчжурскихъ полей,
Калѣка — солдатъ истомленный
Къ семьѣ возвращался своей.

Спѣшилъ онъ жену молодую
И малаго сына обнять,
Увидѣть любимаго брата,
Утѣшить родимую мать.

Пришелъ онъ... Въ убогомъ жилищѣ
Ему не узнать ничего:
Другая семья тамъ ютится,
Чужіе встрѣчаютъ его.

И стиснула сердце тревога...
— Вернулся я, видно, не въ срокъ.
Скажите, не знаете-ль, братцы,
Гдѣ мать, гдѣ жена, гдѣ сынокъ?

— Жен твоя... Сядь, отдохни-ка,
Небось, твои раны болятъ...
— Скажите скорѣе мнѣ правду,
Всю правду... — Мужайся, солдатъ!

Толпа изнуренныхъ рабочихъ
Рѣшила итти ко дворцу
Защиты просить, съ челобитной
Къ царю, какъ къ родному отцу.

Надѣвъ свое лучшее платье,
Съ толпою пошла и она
И на смерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена.

— Но гдѣ-же остался мой мальчикъ,
Сынокъ мой?.. — Мужайся, солдатъ!
Твой сынъ въ Александровскомъ паркѣ
Былъ пулею съ дерева снятъ.

— Гдѣ мать?.. Помолиться къ Казанской
Старушка давно ужъ пошла...
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила.

— Не все-жъ еще взято судьбою,
Остался единственный братъ:
Морякъ, молодецъ и красавецъ...
Гдѣ братъ мой? — Мужайся солдатъ!

— Неужто и брата не стало?..
Погибъ, знать, въ Цусимскомъ бою...
— О нѣтъ, не сложилъ у Цусимы
Онъ жизнь молодую свою.

Убитъ онъ у Чернаго моря,
Гдѣ ихъ броненосецъ стоитъ. —
За то, что вступился за правду,
Своимъ офицеромъ убитъ!

Ни слова солдатъ не промолвилъ,
Лишь къ небу онъ поднялъ глаза...
Была въ нихъ великая клятва
И будущей мести гроза.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ!

Поется на голосъ:
"Братья, дружно веселую
"Грянемъ пѣсню въ добрый часъ!"

Братцы! дружно пѣсню грянемъ
Удалую — въ добрый часъ!

Мы рабочихъ бить не станемъ, —
Не враги они для насъ!
Только злые командиры
Ихъ приказываютъ бить,
Чтобъ солдатскіе мундиры
Этой бойней осрамить!
Братъ пойдетъ ли противъ брата?
А крестьяне — братья намъ!
И для честнаго солдата
Убивать ихъ — грѣхъ и срамъ.
Сердце намъ сжимали больно
Ужъ не разъ ихъ стонъ и плачъ;
Этой бойни намъ довольно,
Русскій воинъ — не палачъ!
Пусть себѣ за ослушанье
Насъ начальство душитъ всѣхъ;
Лучше вынесть истязанье,
Чѣмъ принять на душу грѣхъ! —
Такъ дружнѣе, братцы, грянемъ
Нашу пѣсню въ добрый часъ:
Мы въ крестьянъ стрѣлять не станемъ:
Не враги они для насъ.

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА
Д. ДУШИН

ТАЙНОЕ СОБРАНІЕ.

Поется на голосъ:

"Какъ на барынѣ чепецъ,
"Любилъ барыню купецъ"...

Ужъ какъ въ Третьемъ Отдѣленьи
По цареву повелѣнью
Храбрый Треповъ-генералъ
Всѣхъ жандармовъ собиралъ.
Чтобъ царю служили смѣло —
Наливалъ по рюмкѣ цѣлой,
По полтиннику дарилъ,
"Эй, ребята", говорилъ:
"Подозрительныя лица
"Появилися въ столицѣ
"И бунтуютъ и мудрятъ,
"И царя убить хотятъ!
"Ужъ вы, синіе мундиры,
"Обыщите всѣ квартиры,
"Мной на то дана вамъ власть —
"Знай, тащи, ребята, въ часть!
"Коли гдѣ сопротивленье —
"Въ зубы бей безъ разсужденья, —
"Самъ-молъ Треповъ-генералъ
"Отвѣчаетъ за скандалъ!"

Но, исполнены печали,
Голубые отвѣчали:

— "Ахъ, отецъ ты нашъ родной,
Предводитель удалой!
Показали бы примѣрно,
Какъ тебѣ мы служимъ вѣрно,
Да сумнительно, вишь, тутъ:
Сохрани господь — убьютъ!"

На такое заявленье
Молвилъ Треповъ безъ смущенья:

"Стой, ребята, не страшись!
"Вотъ перцовка — подкрѣпись!
"Дамъ на каждаго двѣ роты
"Государственной пѣхоты,
"Казаковъ прибавлю взводъ —
"Знай подталкивай впередъ!..
"Всѣмъ отрядомъ, душъ хоть въ триста,
"Двиньтесь вы на нигилиста,
"Навалитесь на него —
"И не пикнетъ ничего!"

Тутъ жандармы ободрились,
Усмѣхнувшись, поклонились
И отвѣтилъ бодро всякъ:

— "Ладно будетъ, коли такъ!
ужъ послужимъ мы престолу,

Уничтожимъ мы крамолу,
И всѣмъ недругамъ твоимъ
Въ кровь мы зубы разобьемъ!"

И пошли у насъ въ столицѣ
Рыскать синихъ вереницы;
Хочетъ доблестная рать
Цѣлый Питеръ обыскать!

ОСАДА КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Поется на голосъ:
"Что съ дѣвицей сдѣлалось,
"Что съ красной случилося?"...

Было это въ градѣ Кія,
Кѣмъ гордится вся Россія...
Есть тамъ университетъ, —
А науки нѣтъ, какъ нѣтъ!
Вотъ студентики, терпѣнье
Потерявъ, пришли въ волненье,
Разсуждать о дѣлѣ стали
И начальство упрекали,
Что "они-де только рады
Получать свои оклады, —

А чтобъ насъ добру учить,
Какъ народу пособить
Въ его тяжкой, горькой долѣ
И какъ выйти изъ неволи
Полицейской подлой власти —
Это не по ихней части!"
— "Ахъ, бѣда!" ...Не взвидя свѣта,
Ректоръ университета,
Распустивши фалды фрака,
Изъ больничнаго барака
Къ Драгомирову бѣжитъ;
Полный страха и смятенья
О студенческомъ движеньи
Онъ воякѣ говоритъ:
"Для правительственной шайки
"Постоять за честь нагайки
"Надо силою штыковъ,
"Усмирить скорѣй волненье
"Либеральныхъ молодцовъ".
Но воякѣ, безъ сомнѣнья,
Показалось предложенье
Смѣхотворной чепухой.
"Мнѣ-ль", воскликнулъ онъ, "герою,
Брать науки храмы съ бою!
Мнѣ-ль, съ моею сѣдиною,
Нажитой въ бояхъ съ врагами,
Награжденному чинами
За побѣды здѣсь и тамъ,
Вдругъ начать играть въ игрушки,

Посылать солдатъ и пушки,
Съ бою брать науки храмъ!
И притомъ наука — дама...
На себя такого срама
Не могу я принимать;
Я — герой, царемъ почтенный,
Сѣдинами убѣленный,
Мнѣ-ли съ бабой воевать?
Ха, ха, ха!!" — герой залился —
Ректоръ видимо смутился
И скорѣе — утекать...
А затѣмъ министру пишетъ:
"Драгомировъ глухъ — не слышитъ
И не хочетъ понимать.
Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата.
Я героя умолялъ.
Онъ же рѣчь завелъ о дамѣ,
О какой — спросите сами,
Ибо онъ мнѣ не сказалъ.
Очевидно, старичишко
И послѣдній-то умишко
На сраженьяхъ потерялъ".
Вняли ректора посланью;
И министра приказанье
Къ Драгомирову летитъ:
"Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата!" —
Приказаніе гласитъ.

И герой безъ замедленья
Исполняетъ порученье:
Храмъ науки съ бою брать,
Смѣло съ бабой воевать.
Вырвавъ клокъ волосъ съ досады,
Двинулъ онъ свои громады —
Силу пушекъ и штыковъ.
Размѣстилъ все войско стройно
И стоитъ себѣ спокойно,
Къ нападенію готовъ:
Ждетъ геройски супостата,
Но, увы! безъ результата.
Ждетъ онъ день и ждетъ другой —
Непріятеля не видно.
"Это-ль, право, не обидно!"
Мыслитъ старенькій герой.
Отъ обиды еле дышетъ
И министру тотчасъ пишетъ
Выразительный отвѣтъ:
"Занятъ постъ. Готовъ я къ бою,
Какъ и слѣдуетъ герою,
Непріятеля же нѣтъ!"
И за это донесенье
Получилъ онъ назначенье —
Заграницей погулять,
Чтобъ министра понимать.

ПРИЗЫВНАЯ ПѢСНЯ.

Эй вы, русскіе люди рабочіе,
До правдиваго слова охочіе,
Деревенскіе люди, фабричные,
Голодать да работать привычные!
Эй, послушайте пѣсенку новую,
Невеселую пѣсню, суровую,
Изъ народной изъ крови рожденную,
Пѣсню, скорбью великой согрѣтую
Да мятелями зимними пѣтую.

I.

Ой ты гой еси, сердце народное!
Тяжко горе твое неисходное!
Все истерзано ты, окровавлено,
Словно камнемъ, кручиной придавлено!

Ой ты, кровь, ты народная, жгучая,
Знать, на диво вкусна ты, горючая:
Пьютъ, да пьютъ тебя царь да богатые,
Все-то пьютъ, не напьются, проклятые!

Ой вы, руки мужицкія, сильныя!
Вы берите лопаты могильныя,

Хороните вы разомъ въ могилушку
Трудовую крестьянскую силушку!

Хороните вы силу народную:
Все едино, вѣдь, въ землю холодную
Вся по каплѣ источится съ младости
Вся погибнетъ безъ пользы, безъ радости.

Что же медлите, руки покорныя?
Или слаще вамъ цѣпи позорныя?
Иль вамъ лучше изсохнуть по малости,
Или ждете отколь-нибудь жалости?

Или есть еще въ сердцѣ терпѣніе?
Иль еще не велико мученіе?
Иль нахлынули думушки черныя?..
Что же медлите, руки покорныя?

Или новая сила удалая
Разыгралась въ крови, небывалая,
Разыгралась да къ сердцу прихлынула
Да отъ сердца терпѣнье откинула?

II.

Ой вы, руки народныя, сильныя!
Вы берите цѣпы молотильные,
Обмахните вы слезы соленыя,
Отбивайте вы косы каленыя!

Топоры навостряйте тяжелые,
Все обладьте подъ пѣсни веселыя!
Постарайтесь, возмите заботушки:
Будетъ скоро вамъ много работушки.

Будетъ скоро вамъ жатва богатая!
Ой, держись ты, вся нечисть проклятая,
Свора жадная, сытая, барская,
Да порода змѣиная царская!

Погоди-жь ты, гнѣздо подколодное!
Вотъ встаетъ оно, войско народное!
Не спасутъ тебя пули свинцовыя,
Не укроютъ и стѣны дворцовыя!

Ой, держитесь, министры, правители,
Палачи, кровопійцы, мучители!
Челядь царская, сволочь приспѣшная,
Жадныхъ коршуновъ стая кромѣшная!

Е. С.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Тихо, сладко спи!
Ты пока еще не "красный",

Обыватель неопасный,
И гостей не жди.

Подростешь, тогда узнаешь,
Какъ въ ночи не спать...
Хоть гостей не ожидаешь,
Принимать ихъ не желаешь,
Надо ихъ впускать.

На Руси сонъ безмятежный
Лишь того удѣлъ,
Кто слыветъ благонадежнымъ
И къ теоріямъ мятежнымъ
Тяготѣть не смѣлъ.

Кто всю жизнь тропинкой торной
Смирно, чинно шелъ,
Кто всегда властямъ покорный.
Въ сдѣлкахъ съ совѣстью позорныхъ,
Жизнь свою провелъ.

Кто не зналъ воодушевленья
Юношескихъ дней
И глядѣлъ безъ возмущенія
На страданья, угнетенья
Остальныхъ людей...

Спи пока — твой часъ настанетъ,
Будетъ не до сна.

Мысль твоя работать станетъ
И съ горячностью возстанетъ
Противъ лжи и зла.

Въ эти дни, дни золотые
Юности святой,
Всѣ задачи вѣковыя,
Всѣ вопросы роковые
Встанутъ предъ тобой.

И мечты о личномъ счастьи
Бросишь ты тогда,
Съ жаромъ юной, честной страсти,
Весь ея отдавшись власти,
Ты пойдешь туда, —

Гдѣ собралась воедино
Мощная семья
Пролетарія исполина, —
Все растущая дружина
Рыцарей труда...

Съ той поры, сынокъ родимый,
Распростись со сномъ,
Всюду, точно звѣрь травимый,
Сынъ отчизны нелюбимый,
Позабудь о немъ!

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Тихо, сладко спи!
Ты пока еще не "красный",
Обыватель неопасный
И гостей не жди.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

Милый узникъ, спи спокойно,
Баюшки-баю!
Если сердце безпокойно,
Хочешь — пѣснь спою?
Ты боролся за свободу
И гнѣзда не вилъ;
Счастья ты желалъ народу,
Для себя не жилъ.
Зналъ ты въ жизни узы братства,
Но семьи — не зналъ!
Ни почета, ни богатства
Въ жизни не стяжалъ.
Если жизни не отняли —
Ты ли виноватъ?
А за подвигъ если-бъ взяли —
Былъ бы счастливъ, братъ!
Есть преданіе сѣдое,
Что когда-то встарь

Испытать бойца-героя
Вздумалъ хитрый царь.
И послалъ онъ дорогія
Ткани и парчи,
Жемчугъ, кубки золотые,
Стрѣлы и мечи.
Не прельстился витязь златомъ
И не взялъ жемчугъ,
Но плѣнился онъ булатомъ —
Выбралъ мечъ да лукъ...
Предъ тобой судьба стояла,
Полна тайныхъ чаръ:
Все, что любо, предлагала...
Что-жъ ты выбралъ въ даръ?

. . . . . .

Много-ль, мало ли ты сдѣлалъ —
Что судить, рядить?
Чашу жертвъ ты всю извѣдалъ —
Будутъ ихъ цѣнить!
Идеальное стремленье
Съ нами не умретъ!
Молодое поколѣнье
Съ насъ примѣръ возметъ.
Спи же узникъ, спи спокойно,
Баюшки-баю!
Если-жъ сердце безпокойно —
Брось ты пѣснь мою!..

В. Фигнеръ.

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА
Д. ДУШИН

ЗВѢЗДЫ.

Разсыпаны по небу мощной рукой
Сіяющихъ звѣздъ милліоны,
Я ими любуюсь ночною порой,
Ласкаетъ мнѣ душу ихъ лучъ золотой.
Гляжу я на ихъ легіоны

И чудится мнѣ, что вокругъ каждой изъ нихъ
Бѣгутъ, какъ вокругъ солнца, планеты,
И что на планетахъ тѣхъ сонмы такихъ,
Какъ люди земные, созданій живыхъ,
Сюда посылаютъ привѣты.

И думаю я: нѣтъ ли въ мірѣ такой
Хотя бы единой планеты,
Гдѣ кровь бы людская не лилась рѣкой,
Гдѣ люди, не зная вражды межъ собой,
Хранили бы братства завѣты?

Гдѣ-бъ не было горя, гдѣ-бъ не было слезъ,
Страданій борьбы неизмѣнной,
Гдѣ-бъ каждый день новое счастье принесъ,
Гдѣ-бъ жизненной цѣли рѣшенъ былъ вопросъ,
Постигнута сущность вселенной?..

Разсыпавшись по небу, звѣзды горятъ.
Межъ нихъ пробѣгаетъ комета,
Вникаетъ мнѣ въ душу ихъ ласковый взглядъ.
Я ихъ вопрошаю, — но звѣзды молчатъ
И нѣтъ на вопросъ мой отвѣта.

В. А. Столешниковъ.

---

* *
*

(Посвящается Л. Н. Толстому).

Я слышу звукъ его рѣчей:
Среди всеобщаго смятенья
Великій старецъ нашихъ дней
Зоветъ на путь непротивленья.
"Зачѣмъ насилье надъ врагомъ,
"Побѣда, купленная кровью?
"Не лучше-ль намъ въ борьбѣ со зломъ
"На зло — откликнуться добромъ,
"На ненависть — любовью?
"Пусть страшенъ врагъ, пусть дологъ путь,
"Но вѣрю я: настанетъ время —
"И расцвѣтетъ когда нибудь
"Любовью брошенное сѣмя!"
Простыя, ясныя слова,
И, кто проникся ихъ лучами

Какъ бы коснулся божества
И говоритъ его устами.
Предъ этой ясной простотой
И я склонялъ свои колѣни, —
Но предо мной встаютъ толпой
Другіе образы и тѣни:
Тамъ, гдѣ предъ грознымъ палачемъ
Народъ смиренно спину клонитъ,
И подъ ярмомъ, и подъ бичемъ
Безсильно падаетъ и стонетъ,
Тамъ, гдѣ страданьямъ нѣтъ числа,
Гдѣ попираются отъ вѣка
Пятой ликующаго зла
Права и чувства человѣка,
Гдѣ мысль униженно молчитъ,
Сложивъ безпомощныя крылья,
И духъ возстанія убитъ
Отравой рабскаго безсилья, —
Тамъ, тамъ! не проповѣдь любви,
Тамъ нуженъ мощный кличъ возстанья,
Чтобы зажечь въ людской крови
Святой огонь негодованья,
Тамъ нужно ненависть борца
Вдохнуть въ застывшія сердца,
Давно привыкшія къ смиренью,
И въ часъ возмездья роковой
Забить въ набатъ — и звать на бой
Къ освобожденью!..

Данинъ.

ПРИЗЫВЪ.

(Изъ листка Воронежскаго ком. Р. С. Д. Р. П.).

Насъ много, насъ много! Вставайте-же, братья!
Не надо ни слезъ, ни безплодной мольбы...
Проклятье насилью, тиранамъ проклятье!..
Мы долго страдали, вставайте-же, братья,
И будемъ борцы — не рабы!

Глядите, — заря занялася свободы!..
Въ комъ сердце отзывно и умъ не погасъ?
Кто весь изстрадался за черные годы?
Сходитесь, вставайте подъ знамя свободы;
И время и правда за насъ!..

Пусть кровь наша льется, пусть въ злобѣ безсильной
Державный убійца насъ смертью казнитъ...
Но рабства позоромъ, по тишью могильной
Ему не сковать ужъ волюшки сильной
Того кто отмщеніемъ горитъ!

За счастье народа, за свѣтъ и познанье,
Подымемъ мы много мозолистыхъ рукъ!..
Проснилось работниковъ-гражданъ сознанье...
Довольно мертвящей нужды и страданья,
Довольно крови и мукъ!..

Что создано потомъ, что кровью омыто,
Надъ чѣмъ, надрываясь, не спали ночей, —
Довольно вамъ, хищники, грабить открыто,
Вѣками вы кровь нашу пили до сыта.
Подъ гнетомъ жестокихъ царей!..

Насъ много, насъ много! Вставайте же, братья!
Не надо ни слезъ, ни безплодной мольбы...
Проклятье насильно, тиранамъ проклятье!
Мы долго страдаемъ, вставайте же, братья
И будемъ борцы — не рабы!..

Рабочій.

ЛѢСЪ РУБЯТЪ.

"Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ".

Лѣсъ рубятъ... молодой еще, зеленый лѣсъ,
А сосны старыя, нахмурившись, стоятъ себѣ угрюмо
И, полныя неразрѣшенной думы,
Печально такъ глядятъ въ нѣмую даль небесъ...

Лѣсъ рубятъ... оттого, что рано зашумѣлъ,
Что шумомъ радостнымъ будилъ онъ всю природу,

Что молодой листвой онъ слишкомъ смѣло пѣлъ
Про солнце ясное, про счастье, про свободу.

Лѣсъ рубятъ... но земля укроетъ сѣмена,
Пройдутъ года, и мощной жизни силой
Подымется борцовъ зеленая стѣна
И зашумитъ надъ братнею могилой...

---

* *
*

I.

Снова я слышу родную "лучину".
Сколько въ ней горя, страданья и слезъ!
Видно, свою вѣковую кручину
Пахаръ въ нее перенесъ.

Сидя за прялкой въ осеннюю вьюгу,
Пѣла, быть можетъ, крестьянка въ тиши
И повѣряла той пѣснѣ, какъ другу,
Жгучую скорбь наболѣвшей души.

Полно! довольно про горе ты пѣла...
Прочь этотъ грустный унылый напѣвъ!
Надо, чтобъ пѣсня отвагой гремѣла,
Въ сердцѣ будила спасительный гнѣвъ!

Зрѣетъ въ народѣ могучая сила.
Край нашъ стоитъ на широкомъ пути.
То, что страдалица мать выносила,
Сынъ богатырь не захочетъ снести.

Мысли живой не задушитъ въ немъ голодъ.
Силъ молодыхъ не надломитъ борьба,
Смѣло возьметъ онъ тяжелый свой молотъ
И разобьетъ имъ оковы раба.

II.

Смѣлѣй, друзья, идемъ впередъ,
Будя въ сердцахъ живое пламя!
И наше дѣло не умретъ,
Не сломятъ бури наше знамя!

Побѣды ужъ недолго ждать!
Проснулась мысль въ средѣ рабочихъ,
И зрѣетъ молодая рать
Въ нѣмой тиши зловѣщей ночи.

Она созрѣетъ... и тогда,
Стряхнувъ, какъ сонъ, свои оковы,
Подъ краснымъ знаменемъ труда
Проснется Русь для жизни новой.

Л. П. Радинъ.

"МАЛЬЧИШКА".

"Мальчишка" я!... Хотите вы сказать,
Что молодъ я, ничтоженъ, не опасенъ, —
Зачѣмъ же вамъ въ тюрьмѣ меня держать?
Зачѣмъ "мальчишка" такъ для васъ ужасенъ?

"Мальчишки" мы! Зачѣмъ же поднимать
Вамъ изъ-за насъ такую суматоху?
Тревогу бить и голову терять,
И жертвы несть судебному молоху?

"Мальчишка" я!.. Пусть такъ; но вы то кто жъ?
Идущіе съ дрекольями, толпами
На горсть "дѣтей", едва скрывая дрожь?
Васъ какъ назвать? Не доблести-ли мужами?

"Мальчишка" я!.. Но знайте—мужъ стальной
Въ "мальчишкѣ" томъ стараньемъ вашимъ зрѣетъ!
Спасибо вамъ: спознался я съ тюрьмою —
Она во мнѣ кой-что посѣетъ...

И не на радость вамъ такой посѣвъ взойдетъ:
Клянусь, онъ будетъ вамъ на горе!
Узнаете, когда въ народномъ морѣ
Девятый валъ на вашъ корабль найдетъ!

ЗАВѢЩАНІЕ.

Здѣсь умирая, въ казематахъ,
Мы завѣщаемъ всѣмъ друзьямъ
За муки бѣднаго народа
Отомстить врагамъ!

Самой судьбѣ бросайте вызовъ,
Ужъ разъ къ врагу она пошла,
Съ нимъ противъ братства и свободы
Въ союзъ вошла!

Когда же, въ часъ побѣды свѣтлой,
Разволновавшаяся кровь
Утихнетъ въ сердцѣ — завѣщаемъ
Одну любовь!

Пускай тогда межъ вами, братья,
Не будетъ нищихъ, богачей,
Ни вѣчно загнанныхъ страдальцевъ,
Ни палачей!

Вы храмъ воздвигните науки
На мѣсто храма лжи и тьмы,
И храмъ свободы лучезарной
Взамѣнъ тюрьмы!

Пусть край родной не оглашаетъ
Ни стонъ страдающихъ людей,
Ни свистъ бича, ни громъ орудій,
И звонъ цѣпей!

Святая личность человѣка
И честность мысли и труда
Пускай находятъ уваженье
У васъ всегда!

Когда же блеснетъ заря спасенья,
Настанетъ братства свѣтлый часъ,
Въ счастливой жизни вспомните
Друзья и насъ!

ИЗЪ ПѢСЕНЪ БУТЫРЦЕВЪ.

(19 февраля 1902 года).

Мы не борцы. Мы только тѣнь борцовъ,
Упавшая отъ солнца за горами;
Мы лишь гонцы грядущихъ въ міръ творцовъ,
Богатыхъ мыслію и знаньемъ, и дарами;
Мы только ласточки, оставившія югъ,
Чтобъ возвѣстить природы обновленье,

Мы только вѣсть несемъ, что кончился недугъ
И что врачи сулятъ больной выздоровленье.
Быть можетъ сгубитъ насъ морозъ
февральскихъ дней,
Но онъ законъ временъ текущихъ не измѣнитъ,
И жалкій блескъ искусственныхъ огней
Сіяніе весны тепломъ своимъ замѣнитъ.

ПО ВЫХОДѢ ИЗЪ ТЮРЬМЫ.

Тяжко мнѣ... но не хочу я
Съ злой судьбой моей мириться.
Я одинъ... Но не могу я
Съ силой темною не биться.
Я погибну... ну такъ что-же?
Коль мое погибнетъ тѣло,
Будетъ духъ мой такъ же биться
Все за то-жъ святое дѣло!
Я желалъ бы сонъ нарушить,
Сытыхъ счастіе разрушить,
Мракъ развѣять, разогнать!
Всѣмъ униженнымъ, скорбящимъ,
Всѣмъ о счастіи молящимъ
Я желалъ бы счастье дать!

Я желалъ бы это счастье
Съ бою взять народной властью!
Слабыхъ духомъ поддержать,
Унижающихъ унизить,
Обижающихъ обидѣть,
Въ мертвыхъ снова жизнь вдохнуть!
Весь вашъ міръ возненавидѣть!
Весь вашъ строй перевернуть!

Слесарь.

СПЯЩИМЪ.

Противъ баръ и царей
За рабочихъ людей
Встаньте, братья, и гордо и смѣло;
Мы борьбою живемъ,
Мы къ борьбѣ васъ зовемъ
За народное правое дѣло!

Свора наглыхъ поповъ
Чтятъ бездушныхъ воровъ,
Чтить Романовыхъ родъ призываетъ,
Говоритъ: всѣхъ людей,
Что идутъ на царей,
Убивать даже богъ заставляетъ...
Нѣтъ, не вѣрьте попамъ:
Не друзья они вамъ,

А поповская служба "святая"
И грѣшна и вредна;
Вамъ свобода нужна,
А не чары волшебнаго рая...

Эхъ, когда-то и мы
Жили словно средь тьмы,
Ни о зломъ, ни о добромъ не знали,
Посылали дѣтей
Воевать за царей:
Ихъ богами земными считали;

И коровъ и телятъ —
Все тащили въ закладъ,
Чтобъ внести царю подати разомъ,
Чтобы могъ нашъ "отецъ"
Украшать свой дворецъ
Пышнымъ бархатомъ, яркимъ алмазомъ!

Но лишь только страна
Пробудилась отъ сна,
Какъ, столичныя бросивъ палаты,
Шайка этихъ "боговъ"
Удрала въ Петергофъ
И дрожитъ, ждетъ народной расплаты.
А расплата близка;
Ужъ плывутъ облака
По когда-то прозрачной лазури,
Скоро грянетъ кругомъ

Оглушительный громъ,
Громъ послѣдней, рѣшительной бури.

Скоро, скоро народъ
Сброситъ съ плечъ мрачный гнетъ
И, воровъ вѣковыхъ проклиная,
Онъ царицу пошлетъ
На работу въ заводъ,
Молотить и пахать — Николая!

Противъ баръ и царей
На рабочихъ людей
Встаньте-жъ, братья, и гордо и смѣло;
Мы борьбою живемъ,
Мы къ борьбѣ васъ зовемъ
За народное правое дѣло!..

---

* *
*

Намъ выпало счастье — всѣ лучшія силы
Въ борьбѣ за идею всецѣло отдать.
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дѣло свободы терпѣть и страдать.
Терпѣть безъ укоровъ, страдать безъ проклятій.
Спокойно и гордо въ тиши угасать
И тихимъ страданьемъ своимъ юныхъ братій
На бой за свободу и равенство звать.

В. Фигнеръ.

ПАМЯТИ ДРУГА.

О смерти твоей услыхалъ я въ тюрьмѣ,
Товарищъ и другъ мой несчастный!
Да будетъ же вѣчная память тебѣ
И миръ послѣ жизни ненастной!

Въ холодной Сибири, вдали отъ друзей
Погибъ ты замученъ неволей...
Но плакать-ли намъ надъ могилой твоей,
Надъ горькой, безрадостной долей?

О, плакать бы стоило, если-бъ могло
Изъ слезъ нашихъ мщенье родиться...
Тираны и деспоты! — время пришло,
Пора намъ, пора расплатиться!

Давайте-же, друга-борца схоронивъ,
Живые покрѣпче сплотимся!
За дѣло народное въ битву вступивъ,
Съ щитомъ иль на немъ возвратимся!

И пусть насъ по тюрьмамъ сажаютъ,
Ломаютъ, калѣчатъ и гнутъ, —
Мощь наша растетъ, выростаетъ,
Окрѣпнетъ и скоро сломаетъ
Оковы неправедныхъ путъ!

М. Андрійко.

ПОГИБШИМЪ БОРЦАМЪ.

Пали всѣ лучшіе, въ землю зарытые
Въ мѣстѣ пустынномъ и дикомъ легли,
Кости, слезою ничьей не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли.

Нѣтъ ни крестовъ, ни оградъ, и могильная
Надпись объ имени павшихъ молчитъ.
Долу склонилася травка безсильная,
Землю прикрыла и тайну хранитъ.

Были свидѣтелемъ волны кипучія
Гнѣвно вздымаются, берегъ грызутъ,
Но и онѣ, эти волны могучія,
Родинѣ вѣсточку вдаль не снесутъ.

В. Фигнеръ.

ЖЕРТВАМЪ 9-го ЯНВАРЯ.

Погибшіе братья, вамъ вѣчный покой,
Убійцамъ на вѣки проклятье!

Погибли вы смѣло въ борьбѣ роковой
За нашу свободу и счастье.

Убиты, вы, братья, преступной рукой
Того, кто народъ угнетаетъ,
Рабочую кровь проливаетъ рѣкой
Родную страну разоряетъ.

Надъ вашей могилой мы клятву даемъ,
Святой вашей кровью клянемся:
Мы будемъ бороться съ убійцей царемъ,
Свободы и счастья добьемся.

Тогда мы на ваши могилы придемъ
И скажемъ: "Погибшіе, братья!
Ночь произвола смѣнилася днемъ
Равенства, братства и счастья".

Погибшіе братья, вамъ вѣчный покой,
Убійцамъ на вѣки проклятье!
Погибли вы смѣло въ борьбѣ рокогой
За нашу свободу и счастье!

ПАМЯТИ С. В. БАЛМАШЕВА.

Свершенъ преступный судъ: пробилъ твой часъ урочный.
И гордо принялъ ты страдальческій вѣнецъ;
Ты въ жертву принесенъ, какъ ангелъ непорочный,
Сорвали жизни цвѣтъ, погибъ герой-боецъ!

Ты молодъ былъ, но ужъ рукою твердой
Геройскій подвигъ свой безтрепетно свершилъ,
И силы юныя съ увѣренностью гордой
Такъ рано на алтарь священный положилъ!

Придетъ пора, свершится судъ народный,
И власть падетъ твоихъ презрѣнныхъ палачей
Тогда воскреснешь ты: поймет народъ свободный,
За что потушенъ свѣтъ твоихъ младыхъ очей.

ПАМЯТИ Н. Э. БАУМАНА.

Гордый, могучій боецъ за свободу
Умеръ въ борьбѣ за великій народъ...
Вышелъ онъ въ поле въ тяжелые годы

Съ крикомъ призывнымъ — впередъ!
Двигаться было и страшно и трудно,
Грудь надрывалась... но голосъ звучалъ
Въ этомъ туманѣ такъ смѣло и дружно,
Взяться за дѣло великое звалъ!..
Годы тюрьмы... эти мрачные годы...
Всякій, кто честно и смѣло служилъ
Дѣлу могучему, дѣлу свободы,
Ужасъ ихъ весь пережилъ...
Только что лучъ показался свободы,
Только что весь встрепенулся народъ,
И задрожали тюремные своды, —
Вышелъ ты смѣло впередъ...
Вышелъ... И гордо погибъ за свободу,
Подлой сраженный рукой!..
Спи безмятежно, защитникъ народа,
Честный рабочій-герой!..
Спи!.. Если гибнутъ великія силы, —
Гибнутъ геройски за свѣтъ, за народъ...
Гибнутъ... но даже у края могилы
Падаютъ съ крикомъ призывнымъ — впередъ!
Такъ и орелъ, пораженный стрѣлою
Въ темномъ туманномъ ущеліи горъ,
Съ крикомъ послѣднимъ, съ послѣдней слезою
Къ небу бросаетъ сіяющій взоръ!..

Ал. Истоминъ.

ПУСТЬ ГРЯНЕТЪ БОЙ.

Моя душа пылаетъ страстью бурной,
И грудь полна отвагой боевой.
Ахъ! видѣть лишь свободы блескъ пурпурный,
Разсѣять мракъ насилья вѣковой,

И маску лжи сорвавъ съ лица злодѣя,
Вдругъ обнажить его смертельный страхъ
И бросить всѣмъ тиранамъ, не робѣя,
Стальной руки неотвратимый взмахъ...

Довольно слезъ! Пусть грянетъ бой побѣдный
Народъ зоветъ, — преступно, стыдно ждать.
Рази жъ врага, мой честный мечъ наслѣдный!
Я твой, весь твой, о родина, о мать!

И. Каляевъ.

УЗНИКУ.
(Михайлову.)

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять,
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все,
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ
Какъ ты страдалъ изъ-за него.

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ,
Вѣрь, плодъ взойдетъ и наше племя
Отомститъ сторицею врагамъ.

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

ДРУЗЬЯ.

(Посвящается В. Фигнеръ.)

Въ долгой, тяжелой разлукѣ
Цѣлые годы прошли;
Горя, страданья и муки
Много они принесли.
Сталъ я о волѣ смутнѣе
Помнить, какъ будто во снѣ;
Только друзья все яснѣе
Припоминаются мнѣ.
Часто сквозь сумракъ темницы,
Въ душной каморкѣ моей,
Вижу я смѣлыя лица
Вѣрныхъ народу людей.
Словно какъ будто живые,
Въ этой тиши гробовой,
Образы ихъ дорогіе
Ясно встаютъ предо мной.
Все здѣсь они оживляютъ,
Все согрѣваютъ они,
Быстро въ душѣ пробуждаютъ
Вѣру въ грядущіе дни.
Кажется, — вотъ раздается
Голосъ ихъ здѣсь въ тишинѣ,
Словно струя пронесется

Воздуха съ вами ко мнѣ.
Знаю я — темныя силы
Ихъ не согнутъ передъ зломъ;
Будутъ они до могилы
Биться съ народнымъ врагомъ.

Н. Морозовъ.

МАТЕРИ.

(Изъ "Вѣстника Народной Воли".)

Не плачь, о мать моя, и сына не кори:
Не горе домъ твой посѣтило.
Съ тоской и горечью врагамъ не говори,
Что сына ты похоронила.
Но ты скажи, что духомъ онъ возсталъ
И что ему смѣшна ихъ злоба.
Что много насъ, что пасть иль побѣдить
Идемъ мы, не страшась гоненья,
Что мы свободу вѣчную купить
Идемъ цѣною пытокъ и мученья.
О мать моя, ты можешь ли понять
Слова мои, стремленья гражданина,
Иль умирая будешь повторять,
Что раньше схоронила сына?..

Я.

МАТЕРИ.

Мнѣ снилось сегодня: въ безсвѣтномъ краю
Въ слезахъ я родимую видѣлъ свою.
— "Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дожду-ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ...
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальней странѣ!
Все слышу я бряцаніе тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними — знакомая поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!"

— О, матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой:
Хоть были бъ три жизни даны мнѣ въ удѣлъ,
Всѣ бы отдалъ я, всѣ... и къ тебѣ полетѣлъ!
Но душу живую я смѣю-ль отдать?
Могла-либъ меня ты за сына признать? —
И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

П. Якубовичъ.

ПОРОГЪ.

(Стихотвореніе въ прозѣ.)

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежъ; за дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... русская дѣвушка.

Морозомъ дышетъ та непроглядная мгла, и вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины зданія медлительный, глухой голосъ.

"О, ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь-ли ты, что тебя ожидаетъ?"

— Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

"Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обида, болѣзнь, самая смерть?"

— Знаю.

"Отчужденіе, полное одиночество?"

Знаю... я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

"Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?"

— Да... и отъ нихъ.

"Хорошо. Ты готова на жертву?"

— Да.

"На безымянную жертву? Ты погибнешь,— и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить".

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

"Готова-ли ты на преступленіе?"

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

"Знаешь-ли ты, заговорилъ онъ, наконецъ, что ты можешь разувѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?"

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

"Войди!"

Дѣвушка перешагнула порогъ — и тяжелая завѣса упала за нею.

"Дура!" проскрежеталъ кто-то сзади.

"Святая!" пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

И. Тургеневъ.

НОВАЯ ТЮРЬМА.

(Изъ "Впередъ").

Прохожій.

Строится, вижу, здѣсь что-то такое;
Зданіе, кажется, будетъ большое...
Что ты здѣсь строишь? Казармы? Дворецъ?
Знать любопытно: скажи, молодецъ!..

Каменьщикъ.

Правда, работы здѣсь будетъ не мало.
Трудное время, братъ, нынче настало,
Слышь, зарокталъ нашъ рабочій народъ:
Полно работать ему на господъ!
Видно, не стало ужъ дольше терпѣнья
Молча сносить всѣ неправды, мученья,
Вѣчно трудиться для праздныхъ гулякъ...
Думу задумалъ крестьянинъ — вахлакъ.
Хочетъ онъ самъ добывать свою долю;
Ходятъ все слухи про новую волю...
Вотъ и пошелъ, что-ль, указъ отъ властей
Страху нагнать на строптивыхъ людей.
Всѣхъ, кто стоитъ за народъ нашъ голодный,
Жалуетъ царь нашъ тюрьмой новомодной!
Каторги мало, знать, стало ему:
Выдумалъ новую, злую тюрьму.
Важная штука — могилушка эта.
Въ ней не увидишь и божьяго свѣта;
Стоны, рыданья лишь гуломъ пройдутъ;
Заживо мертвымъ тебя погребутъ...
Такъ-то, землякъ: не дворецъ, не палаты, —
Строимъ живому мы гробъ здѣсь проклятый,
Каменный гробъ для свободы людей,
Каменный гробъ для народныхъ друзей.
А велика: знать, не мало народу
Стало теперь за святую свободу...
Былъ здѣсь самъ царь и молебенъ служилъ,
Самъ первый камень тюрьмы заложилъ,

Богу потомъ на колѣнкахъ молился.
Я поглядѣлъ... и душою смутился...
Вишь, кровопійцы: людей-то морятъ,
Сами о Богѣ, любви говорятъ...
А какъ подумаешь, мы то что сами!
Строимъ мы тюрьмы своими руками,
Строимъ тюрьму для себя для самихъ,
Да для народныхъ друзей дорогихъ...
Горькая дума! болитъ ретивое!
Время-то тяжкое вышло такое...
Эхъ, братъ, запѣла злодѣйка нужда!..

Прохожій.

Полно тужить, молодецъ: не бѣда!
Видимо стало: не долго намъ маяться!
Скоро придется всѣмъ хищникамъ каяться,
Скоро здѣсь буря вездѣ зареветъ,
Скоро возстанетъ рабочій народъ,
Дрогнутъ враги его, страхомъ объятые:
Рухнутъ предъ нимъ эти зданья проклятыя:
Тюрьмы, казармы, суды и дворцы...
Съ гордыхъ царей онъ сорветъ ихъ вѣнцы...
Брось же, товарищъ, печаль и заботу:
Скоро намъ будетъ иная работа...

Каменьщикъ.

Слово ты, братъ, не пустое сказалъ;
Я ужъ давненько его поджидалъ!

Больно ужъ много народу страданья;
Все не приходитъ нашъ часъ воздаянья!
Пусть онъ ударитъ, мы вмѣстѣ пойдемъ
Правду святую добыть топоромъ!

ПѢСНИ ЮНОСТИ.

Весело! Шумно! Здѣсь, жизнь молодая
Ты свой чертогъ создаешь.
Горе, нужду и труды забывая,
Пляшетъ, поетъ молодежь.
Хохотъ и шутки. Стаканы сверкаютъ
Краснымъ, дешевымъ виномъ.
Это изгнанники праздникъ встрѣчаютъ...
Юности пѣсню споемъ!

"Голодъ и холодъ, и муки изгнанья,
"Долгіе годы тюрьмы,
"Трудъ непрестанный и горе скитанья —
"Все это вынесли мы.
"Все это завтра и снова, и снова,
"Молча спокойно снесемъ.
"Что намъ сегодня до завтра лихова!
"Юности пѣсню споемъ!

"Полночь! Годъ Новый! Его на чужбинѣ
"Встрѣтимъ мы крикомъ: ура!

"Знаемъ: онъ дастъ намъ все то же, что нынѣ;
Не принесетъ онъ добра.
"Будемъ работать за грошъ, за копейку,
"Мыкаться ночью и днемъ.
"Ну ее къ черту заботу-злодѣйку!
"Юности пѣсню споемъ!

"Тише! За братьевъ далекихъ, любимыхъ,
"Молча поднимемъ стаканъ.
"Тамъ они бьются, тамъ мучитъ родимыхъ,
"Тянетъ ихъ жилы тиранъ.
"Всѣ мы готовимся къ грозному бою:
"Всѣ мы оружье куемъ.
"Будь то, что будетъ! Предъ мрачной судьбою
"Юности пѣсню споемъ!

Встрѣтимъ мы весело, встрѣтимъ мы смѣло
"Новый родившійся годъ.
Будемъ мы биться за братское дѣло,
"Биться за бѣдный народъ.
"Рухните старые, злые кумиры!
"Радостно мы развернемъ
"Красное знамя, стягъ юнаго міра!
"Юности пѣсню споемъ!"

* *
*

Не скорбнымъ, безсильнымъ, остывшимъ
бойцамъ,
Усталымъ отъ долгихъ потерь,
Хочу я отважнымъ и юнымъ сердцамъ
Пропѣть свою пѣсню теперь!
Пусть мертвые мертвымъ приносятъ любовь
И плачутъ у старыхъ могилъ!
Мы живы: кипитъ наша алая кровь
Огнемъ неистраченныхъ силъ.

Священную память погибшихъ въ бою
Безъ слезъ мы умѣемъ хранить,
Мы жаждемъ всю силу, всю душу свою
На тотъ же алтарь возложить!
Кто выронилъ молотъ и острый рѣзецъ?
Мы рвемся работать взамѣнъ
И строить великій народный дворецъ
Изъ камня разобранныхъ стѣнъ.

Чьи мутные взоры поникли къ землѣ?
Пытливо глядимъ мы впередъ,
Упрямо стремимся увидѣть во мглѣ
Зари отдаленной восходъ.
Несись, моя пѣсня, какъ радостный кликъ,
На дальній, безвѣстный предѣлъ!
Да здравствуетъ юность, кипучій родникъ
Великихъ стремленій и дѣлъ!

Несись, моя пѣсня! Взлети до небесъ,
Какъ соколъ свободный отъ путъ!
Да здравствуетъ геній всемірныхъ чудесъ,
Могучій и творческій трудъ!
Несись, моя пѣсня опять и опять!
Греми надъ землей, какъ труба!
Да здравствуетъ жизни всесильная мать,
Владычица міра — борьба!

Отъ края до края родимой страны
Другъ другу несемъ мы привѣтъ...
Мы ласточки свѣжей, зеленой весны,
Идущей за нами во слѣдъ.
Пусть скована стужей нѣмая земля
И каждый шумливый потокъ,
И умерли листья и снѣгъ на поля
Серебрянымъ саваномъ легъ:

Ужъ прокатился громовой ударъ
Съ невѣдомыхъ горныхъ высотъ,
И дрогнула сила безжизненныхъ чаръ,
Тяжелый колеблется гнетъ.
И вѣтеръ передъ утромъ повѣялъ теплѣй;
Во мракѣ на каждомъ шагу
Незримыя струйки оживших ключей
Ужъ роются тайно въ снѣгу.

Да скроется сумракъ, да здравствуетъ свѣтъ!
Мы вѣстники новыхъ временъ!
Весна молодая идетъ намъ во слѣдъ
Подъ сѣнью несчетныхъ знаменъ!

ВПЕРЕДЪ.

(Съ французскаго.)

Нестерпимо тяжка наша доля,
Намъ пришлося такъ много страдать!
Но, друзья, разрѣжаются тучи,
Стало какъ-то свободнѣй дышать.
Мы крѣпки и могучи, какъ дубы,
Много силъ въ мускулистыхъ рукахъ.
Мы хотимъ также право на счастье;
Не хотимъ мы жить дольше въ цѣпяхъ.

Впередъ, о людъ рабочій,
Изъ душныхъ мастерскихъ, —
Впередъ изъ вѣчной ночи
Подземныхъ стѣнъ сырыхъ!
Нашъ долгъ сплочаетъ насъ,
И съ гимномъ въ честь свободы
Впередъ, рабочій!

Коль хотимъ мы, чтобъ истиной стала
Наша греза о счастьи, друзья,
Коль хотимъ, чтобъ скорѣй засіяла
Въ небѣ правды, свободы заря,
Коль хотимъ, чтобъ нужда и несчастье

Не давили повсюду людей, —
То протянемъ другъ другу, о братья
Пролетаріи, руки скорѣй!

Впередъ, о людъ рабочій,
Изъ душныхъ мастерскихъ, —
Впередъ изъ вѣчной ночи
Подземныхъ стѣнъ сырыхъ!
Нашъ долгъ сплочаетъ насъ.
И съ гимномъ въ честь свободы
Впередъ, рабочій!

---

* *
*

Что за картина безсмысленно дикая!
Гдѣ-жъ она, гдѣ она, сила великая,
Чтобъ конецъ положить?
Эта толпа, безотвѣтно покорная,
Иго тяжелое, иго позорное
Вѣчно-ли будетъ сносить?

Ахъ, неужель ты, слѣпая и темная,
Вѣчно голодная, вѣчно бездомная
Будешь покорно молчать?
Всѣхъ нарядившая, всѣхъ накормившая
Будешь не ѣвшая, будешь не пившая,
Вѣчно отъ стужи страдать?

Нѣтъ, не вѣчно, нѣтъ, не вѣчно!
Видишь, другъ, со всѣхъ концовъ
Съ пѣсней бодрою, сердечной
Цѣпью длинной, безконечной
Ужъ спѣшатъ толпы бойцовъ!

Сила арміи священной
Старый соръ земли смететъ.
Коль одинъ падетъ сраженный,
Вмѣсто павшаго мгновенно
Сотня новыхъ возстаетъ.

Слышишь, другъ мой, эти звуки?
Это онъ, рабочій людъ!
То они, питомцы муки,
Дружно взявшися за руки,
Пѣсню звонкую поютъ.

Не болѣзненной дремотой
Пѣсня дружная звучитъ,
И не будничной заботой,
Новымъ тономъ, новой нотой
Пѣсня новая звенитъ.

Грянемъ, братья, гимнъ веселый,
Станемъ въ тѣсные ряды!
Передъ нами путь тяжелый,
Ждутъ насъ тяжкіе труды!

Но не страшны намъ препоны,
Смѣло мы идемъ впередъ!
Наши дѣти, наши жены,
Ихъ страданія, ихъ стоны...
Правда, все зоветъ!

Ну, греми же пѣснь святая!
Все, что честно, къ намъ придетъ!
Правды знамя поднимая,
Смѣло двинемся впередъ!

КЪ СОЛДАТУ.

Постой-ка, товарищъ! Опомнися, братъ!
Скорѣй брось винтовку на землю
И гласу рабочаго внемли, солдатъ —
Народному голосу внемли!

Зачѣмъ ты винтовку свою зарядилъ?
Въ какого врага ты стрѣляешь?
Безъ жалости брата родного убилъ,
Дѣтишекъ его избиваешь...

Ты здѣсь убиваешь чужую семью
Въ деревнѣ твою убиваютъ...
И издали, грозно твоя же семья —
Тебя-же, солдатъ, проклинаетъ...

Постой же, товарищъ! Опомнися, братъ!
Ты кровью облитъ человѣка!..
Не смоешь ее ужъ ничѣмъ ты солдатъ,
Не смоешь ту кровь, ты, во вѣки...

Всѣ улицы русскихъ большихъ городовъ
Залиты народною кровью...
Тамъ дѣти рыдаютъ... И тысячи вдовъ.
Клянутъ свою долюшку вдовью...

Несчастная мать, потерявши дитя,
Надъ трупикомъ горько рыдаетъ
И грозно, солдатъ, проклинаетъ тебя!
Ты слышишь? — Тебя проклинаетъ!

Ты мать и отца у ребенка отнялъ,
И кто ихъ убійца — онъ знаетъ.
И вотъ съ легіономъ рабочихъ дѣтей
Малютка тебя проклинаетъ...

Постой-же, товарищъ! Опомнися, братъ!
Скорѣй брось винтовку и съ нами
Возстань за свободу, и вмѣстѣ пойдемъ
На бой, на кровавый, съ врагами...

Такъ брось-же винтовку и громко кричи:
"Нѣтъ, братья, солдатъ не убійца!
Солдатъ ужъ проснулся и дастъ вамъ ключи
Къ покоямъ царя — кровопійцы!"...

Проснулась пѣхота, проснулся матросъ,
Проснулась казацкая сила.
И грозный, отжившій, военный колоссъ
Ужъ жажда свободы сломила...

Постой-же, товарищъ! Опомнися, братъ!
Скорѣе брось винтовку на землю
И гласу рабочаго внемли, солдатъ,
Народному голосу внемли:

"Честнѣе на улицѣ въ правомъ бою
Погибнуть за лучшую долю,
Чѣмъ тамъ — на войнѣ — въ чужеземномъ
краю
Намъ пасть, защищая неволю!"

Симферополецъ - Эмигрантъ.

ДВА СТАНА.

Въ мірѣ два стана, нещадно враждующихъ:
Въ первомъ — съ побѣдно поднятой главой
Сонмы веселыхъ, безпечныхъ, ликующихъ,
Сытыхъ, довольныхъ собой;
Сонмы терзающихъ силы народныя,

Нагло сосущихъ народную кровь,
Топчущихъ въ грязь все святое, свободное —
Честь, идеалъ и любовь.
Съ сердцемъ заплывшимъ, душой пресыщенною,
Всюду внося съ собой ложь и развратъ,
Все попираютъ стопой загрязненною,
Куплей — продажей клеймятъ.
Совѣсть и честь для нихъ звуки забытые,
Изгнаны правда, любовь, идеалъ:
Соки народные, въ золото слитые, —
Вотъ гдѣ ихъ богъ, ихъ Ваалъ.
Вѣчная праздность, разгулъ нескончаемый,
Пьянство, обжорство, безстыдный развратъ,
Наглая ложь, произволъ нескрываемый
Здѣсь безпредѣльно царятъ...

Въ станѣ другомъ милліоны униженныхъ,
Стонущихъ тяжко подъ гнетомъ оковъ,
Счастья не знающихъ, рокомъ обиженныхъ,
Цѣпи влачащихъ рабовъ;
Вѣчно надломленныхъ, вѣчно страдающихъ,
Молотомъ, ломомъ, сохой, топоромъ
Жизнь и здоровье свое надрывающихъ
Надъ непосильнымъ трудомъ;
Хищныя стаи жестокихъ мучителей,
Алчныхъ вельможъ и жестокихъ царей,
Царскихъ холоповъ, чиновныхъ грабителей
Кровью питаютъ своей...

Только не вѣчно имъ рабство позорное,
Гнетъ ненавистный смиренно нести;
Кончится скоро молчанье покорное,
И задрожатъ палачи...
Близокъ ужъ часъ, ужъ борьба разгорается,
Мракъ безпросвѣтный не такъ ужъ гнететъ:
Это свободы заря занимается,
Это народъ возстаетъ...

ПѢСНЯ О РУБАШКѢ.

(Томаса Гуда.)

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ — шьетъ — шьетъ
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣснь поетъ —
Поетъ о рубашкѣ она.

"Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!

Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ у христіанъ.

"Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы, какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку — ластовку — воротъ —
Воротъ — ластовку — строчку...
Повалитъ ли сонъ надъ шитьемъ — и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

"О, братья любимыхъ сестеръ,
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите—нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!..
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того жъ полотна!

"Но что мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди.
Я стала похожа сама на нее,
Похожа отъ голоду я на нее...
Здоровье не явится вновь.
О, Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

"Работай! работай! работай —
Мой трудъ безконечно жестокъ.
А плата? Отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ.
Скамейка да столъ — голый полъ,
Убогая кровля сквозится...
И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

"Работай! работай! работай
Отъ боя до боя часовъ!
Работай! работай! работай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка — ластовка — воротъ —
Воротъ — строчка — рубецъ...
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука,
И сердце замретъ подъ конецъ.

"Работай! работай! работай,
Когда ледѣнѣетъ въ окошкѣ стекло.
Работай! работай! работай,
Когда и тепло и свѣтло —
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои
И дразнятъ весною меня.

"О! только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами!

Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.
О! только бы часъ лишь прожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

"О! только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!.. чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вамъ нѣтъ:
Все время печаль отняла.
Поплакать бы—легче бы сердцу отъ слезъ...
Нѣтъ, слезы мои, не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить,
Шитья моего не мочите!"

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ — шьетъ — шьетъ
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ...
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?..
Поетъ о рубашкѣ она.

* *
*

("Впередъ", кіевская рабочая газета, № 8-9).

Кто подъ землей и на землѣ
Въ поляхъ и въ рудникахъ
Проводитъ жизнь свою въ трудѣ,
А мретъ въ нужды когтяхъ?
Кто строитъ, ткетъ, изъ подъ земли
Богатство достаетъ,
Другимъ за жалкіе гроши
Всю роскошь создаетъ?

Спины не можетъ разогнуть,
Спокойно жить и спать?
Да, это ты, рабочій людъ,
Голодный, бѣдный братъ!
Кто потомъ, кровію труда
И храмы, и дворцы воздвигъ,
Построилъ города —
Самъ чужестранецъ въ нихъ?
Палаты, роскошь — для другихъ,
Чердакъ, подвалъ — себѣ,
Ученье въ школахъ дорогихъ
Не дѣтямъ, не тебѣ!

Кто, чтобъ жить, продавъ свой трудъ,
Всѣ силы вынужденъ отдать?
Да, это ты — рабочій людъ,
Ты, угнетенный братъ!

Твоимъ трудомъ весь міръ живетъ,
Другимъ ты все отдалъ,
Себѣ жъ, обманутый народъ,
Ты цѣпи лишь сковалъ!
Оружье сдѣлано тобой —
Обращено противъ тебя...
Проснись, народъ, пусть жребій твой
Твоя же выкуетъ рука!
Пора свое тебѣ вернуть,
Себѣ свое забрать!..
Проснись, проснись, рабочій людъ,
Идемъ на бой, голодный братъ!

---

* *
*

Кто золото добылъ для царской короны?
Кто сталь для солдатскихъ штыковъ отточилъ?
Ткалъ бархатъ и шелкъ на богатые троны,
Въ ненастье и холодъ за плугомъ ходилъ?
Кто далъ богачамъ и вино, и пшеницу
И горько томится въ нуждѣ безысходной?

Не ты-ль, пролетарій, рабочій голодный!
Кто съ ранняго утра до поздней ночи
Стоналъ, надрывался подъ грохотъ машинъ,
Безсмѣннымъ трудомъ ослѣплялъ себѣ очи,
Чтобъ въ роскоши жилъ фабрикантъ—господинъ?
Кто мощно вертитъ колесо міровое
И... гибнетъ безправнымъ, какъ червь непригодный?
Не ты-ль, пролетарій, рабочій голодный!

Кто гнету насилья, какъ рабъ, подчинялся,
Царямъ ненасытнымъ вѣка прослужилъ,
За нихъ, какъ холопъ, безрасудный сражался
И кровь неповинную жертвенно лилъ?
О, бѣдная родина! Жалкое племя!
Обманъ ненавистный смежилъ тебѣ очи.
Проснись, пролетарій, проснися, рабочій!

Проснись! Сбирайте дружину съ любовью!
Подъ знаменемъ краснымъ клянитесь, — кто смѣлъ, —
Клянитесь, клянитесь, что купите кровью
Свободу, равенство и лучшій удѣлъ!..
Клянитесь, что царство тирановъ погибнетъ,
Что близится вѣкъ справедливый, свободный!
Къ борьбѣ, пролетарій! Къ оружью, голодный!

Въ рукахъ вашихъ сила безсмертнаго знанья.
Всемірною дружбой вашъ крѣпокъ союзъ.
Дружнѣе, какъ братья, направьте старанья
Разбить произволъ деспотическихъ узъ!
Пусть царь васъ осыплетъ солдатской картечью, —
Побѣда за вами, за силой народной...
Побѣда близка, пролетарій голодный!

---

* *
*

("Впередъ", Кіевская рабочая газета, № 8-9).

Сынамъ труда — свободу дать,
Науки мощь и правды свѣтъ —
Вотъ лозунгъ нашъ, вотъ нашъ завѣтъ!
Довольно отдавать другимъ
Свои труды — мы жить хотимъ!
Не надо больше спину гнуть:
Пора свободно всѣмъ вздохнуть!
Въ борьбѣ мы можемъ потерять
Свои лишь цѣпи, а найти
Міръ цѣлый счастья впереди!
Пусть правда въ этотъ міръ придетъ,
Народу счастье принесетъ:
Его для всѣхъ хотимъ мы взять.
Пусть тотъ, чья жизнь идетъ въ трудѣ.

Не гибнетъ въ тяжкой нищетѣ,
Пусть тотъ, чьи руки въ мозоляхъ,
Не стонутъ такъ въ нужды тискахъ
Пусть потъ и кровь чужихъ трудовъ
Не строитъ для богатыхъ кровъ,
Имъ роскошь, блескъ не создаетъ...
Пусть всякъ трудомъ своимъ живетъ!

Развернувши знамена побѣдныя,
Прошумите надъ міромъ грозой...
О, впередъ! — угнетенные, бѣдные.
Чтобы не былъ міръ больше тюрьмой!
Написавши на знамени красномъ
Боевыя свободы слова,
Поклянемся другъ другу безстрашно,
Что умремъ за защиту труда!
Черезъ трупы борцовъ — угнетеніе
Къ торжеству никогда не придетъ,
На могилахъ ихъ выростетъ мщеніе
И свобода для всѣхъ расцвѣтетъ.
Разворачивай красное знамя,
Угнетенный рабочій народъ,
О, горитъ уже бранное пламя,
Призывая безстрашныхъ впередъ!

ВѢТЕРЪ.

Что ты плачешь, вѣтеръ, стонешь, замирая?
Ты куда несешься? Изъ какого края?
Безъ пути, пріюта, страждущій, бездомный?
Мечешься, какъ голубь, надъ равниной темной?

Отвѣчаетъ вѣтеръ, глухо завывая:
Много слезъ я видѣлъ, надъ землей летая.
Въ дальней деревушкѣ, бѣдной, неприглядной
Слышалъ плачъ крестьянскій, ропотъ безотрадный.

Въ городахъ цвѣтущихъ слышалъ стонъ голодныхъ,
Лязгъ станковъ рабочихъ, свистъ ремней приводныхъ,
Проститутокъ нищихъ горестныя лица;
И отъ смрадныхъ фабрикъ мчался я, какъ птица.

На пути я встрѣтилъ честную дружину,
Море братской крови залило равнину,
Трупы освѣщало солнце съ небосклона,
И, какъ вѣстникъ смерти, я влачилъ знамена.

Долго, долго мчался. Вдругъ въ странѣ пустынной
Вижу мрачный замокъ, каменный, старинный.
Часовые ходятъ, сторожатъ могилы...
Дальше не леталъ я... Не хватило силы.

"ВОЛЬНЫЙ РАБОЧІЙ".

Улицей узкой, шумной и бѣдной
Шелъ, опустивъ воспаленныя очи,
Въ грязныхъ лохмотьяхъ, дрожащій и блѣдный.
"Вольный рабочій"...

Вольный! Онъ можетъ, гдѣ хочетъ, скитаться,
Можетъ бродить онъ по улицамъ шумнымъ,
Можетъ онъ плакать и можетъ смѣяться
Смѣхомъ безумнымъ.

Можетъ стучаться онъ въ каждыя двери:
Голода муки никто не замѣтитъ, —
Сытые люди бездушны, какъ звѣри,
Смѣхъ лишь онъ встрѣтитъ.

Съ горькимъ проклятьемъ и жгучимъ укоромъ
Можетъ замерзнуть онъ ночью холодной,
Иль умеретъ гдѣ нибудь подъ заборомъ
Смертью голодной.

Что же онъ сталъ? Иль себя онъ боится?
Дико глядятъ воспаленныя очи...
Что ему нужно? Вѣдь воленъ, какъ птица,
"Вольный рабочій"...

В. Ж.

МЫ СВОБОДНЫ.

Мы свободны! Жизнь прекрасна!
Братства, равенства поборникъ
Путь свершаетъ безопасно —
Если дремлетъ старшій дворникъ.

Мы свободны! Силу, крылья —
Намъ дала свобода слова...
Не боимся мы насилья —
Если нѣтъ городового.

Мы свободны! Прочь невзгода!
Дождались зари желанной...
На Руси царитъ свобода —
Подъ усиленной охраной!

Мы свободны! Мощь народа,
Разумъ, сердце — все въ движеніи,
На Руси царитъ свобода —
На военномъ положеніи.

Л. Мунштейнъ.

"ДУБИНУШКА".

Удивилъ царь весь міръ,
Какъ царямъ предложилъ
Уничтожить военныя силы;
"Намъ не нужны войска,
Будемъ жить, какъ друзья,
И забудемъ про силу дубины.

Но дошло до царя,
Что настала пора,
И студенты возстали за право.
Первымъ дѣломъ тогда
Принялся безъ труда,
По старинному онъ за расправу.

И дубиною той,
Милосердной рукой,
Пополняетъ полки молодежью,
И какъ вспомнишь порой,
Гдѣ твой другъ дорогой,
Такъ невольно подернешься дрожью.

Но крѣпись, братъ родной,
За твоею спиной

Мы поднимемся дружной семьею,
И сотремъ произволъ,
И самъ царскій престолъ
Мы сравняемъ съ сырою землею.

Чтобъ въ солдатскихъ рядахъ
Отъ печали не счахъ,
Запѣвай-ка родную дубину,
Вспоминая о насъ,
Ожидая тотъ часъ,
Когда мы отомстимъ властелину.

Что ни день, что ни часъ,
Издавая указъ,
Царь враговъ самъ себѣ наживаетъ,
И въ Россіи давно
Страшной злобой полно
Все, что мыслитъ, живетъ и страдаетъ.

Нѣтъ, зачѣмъ намъ страдать
И себя продавать,
Слѣпо идя во власть произвола!
Не пора ли начать
Намъ народъ созывать?
Для борьбы уже почва готова.

И не день, и не годъ
Тотъ рабочій народъ
Весь готовъ для борьбы за свободу!

И вѣдь долгъ нашъ возстать
И ему помогать
Сбросить съ плечъ вѣковую невзгоду!

Но вѣдь правда, друзья,
Что сей пѣсни слова
Не должны оставаться лишь звукомъ,
И настанетъ пора,
Когда наша семья
Вся возстанетъ, идя другъ за другомъ!

УТРАТА.

Пять дней, какъ безъ вѣсти пропалъ
Работникъ Яковъ молодой.
Старикъ — отецъ все ждалъ и ждалъ,
Нейдетъ ли сынъ его домой.
Но сынъ не шелъ... Нѣтъ больше силъ-
Изныло сердце старика.
Тяжелый страхъ его давилъ:
Съѣдала тайная тоска.
"Мой сынъ!" Нигдѣ, ни у кого
Не находилъ его старикъ.
"Здѣсь нѣтъ ли сына моего?"
Твердилъ одно его языкъ:
"Пять дней, какъ безъ вѣсти пропалъ
"Мой сынъ, мой Яковъ дорогой...

"Скажите, кто его встрѣчалъ?
"Скажите, гдѣ-же Яковъ мой?"
Но всѣ молчатъ предъ старикомъ...
Вдругъ кто-то крикнулъ: "онъ въ тюрьмѣ!"
И мысль, внезапная какъ громъ,
Мелькнула вдругъ въ его умѣ.
"Впередъ, скорѣй!" И онъ спѣшитъ,
Стучится, просится въ тюрьму.
"Пустите!" — стражѣ говоритъ, —
"Пустите къ сыну моему...
"Онъ здѣсь, за этою стѣной,
"Мой сынъ, мой Яковъ дорогой!"...
Но грубъ и рѣзокъ былъ отвѣтъ:
"Ступай назадъ! Здѣсь сына нѣтъ!"
Тогда старикъ, что было силъ,
Скорѣй къ жандармамъ поспѣшилъ...
Невольнымъ ужасомъ объятъ
И злымъ предчувствіемъ томимъ,
Онъ въ нихъ вперилъ безумный взглядъ
И говорилъ бесвязно имъ:
"Онъ здѣсь, онъ живъ, онъ невредимъ?
"Неправда-ль, я найду его?
"Скажите: да? Скажите, съ нимъ
"Тутъ не случилось ничего?
"О посмотрите! Я въ огнѣ,
"Я весь измучился душой...
"Я старъ и слабъ... Скажите мнѣ,
"У васъ ли, живъ ли Яковъ мой?"
— "Ступай назадъ!" — гремитъ отвѣтъ:

"Сынъ до двѣнадцати лишь лѣтъ
"Твоимъ считался, — а потомъ
"Ужъ мы заботимся о немъ.
"Онъ нашъ. Ступай!" И старика
Схватила звѣрская рука
И грубо вытолкнула вонъ...
И вновь къ себѣ вернулся онъ,
Гдѣ, наконецъ, въ кругу друзей
Добился правды роковой:
Руками подлыхъ палачей
Замученъ Яковъ молодой.
Какъ звѣри лютые они
Въ тюрьмѣ бросались на него,
Морили голодомъ всѣ дни
И жаждой мучили его.
Онъ изнемогъ, бродилъ, какъ тѣнь
И молча пытки выносилъ.
Но, наконецъ, на пятый день
Ударилъ въ дверь, что было силъ.
"Воды! кричалъ онъ имъ, — скорѣй!"
И вотъ мучители его,
Какъ псы голодные съ цѣпей,
Сорвались прямо на него
И въ тѣло бѣдное впились,
И били, били безъ конца,
Покуда всласть не напились
Ихъ кровожадныя сердца,
Покуда онъ въ рукахъ у нихъ
Весь трепеталъ отъ ранъ и мукъ,

Покуда къ ночи не затихъ
Въ его груди послѣдній звукъ...
А ночью... бережно... во тьмѣ
Его на кладбище свезли,
Сказавъ, что мертваго нашли,
Что онъ повѣсился въ тюрьмѣ...
Туда бросается старикъ.
"Пустите!" — молитъ онъ съ тоской:
"Здѣсь сынъ мой, Яковъ дорогой!"
Но сторожъ мраченъ и суровъ
И гонитъ прочь безъ дальныхъ словъ.
"Ступай назадъ!" — онъ говоритъ, —
"Здѣсь только мертвымъ входъ открытъ!"
— "Ступай!" — твердитъ за нимъ старикъ,
Не понимая ничего.
И вдругъ безумный, страшный крикъ
Изъ сердца вырвался его.
А вслѣдъ за нимъ раздался смѣхъ,
Потомъ рыданіе... А потомъ
Безумный спрашивалъ у всѣхъ
О бѣдномъ Яковѣ своемъ...
Вездѣ, кого бы не встрѣчалъ
Тоской измученный старикъ,
Съ тревогой тайною шепталъ,
Твердилъ одно его языкъ.
Глубокой грустью у него
Всегда горѣлъ безумный взоръ:
"Здѣсь нѣтъ ли сына моего?"
Онъ всюду спрашивалъ съ тѣхъ поръ.

СКАЗКА О ПОПѢ И ЧЕРТѢ.

("Рабочая Мысль", № 7).

Въ церкви, золотомъ залитой,
Предъ оборванной толпой
Проповѣдывалъ съ амвона
Попъ въ одеждѣ парчевой.

Изнуренныя, худыя
Были лица прихожанъ,
Въ мозоляхъ ихъ были руки...
Попъ былъ гладокъ и румянъ.

"Братье!" — онъ взывалъ къ народу, —
"Вы противитесь властямъ;
"Вѣчно ропщете на бога,
"Что живется плохо вамъ! —

"Это дьяволъ соблазняетъ
"Васъ за грѣшныя дѣла,
"Въ свои сѣти завлекаетъ,
"Чтобъ душа его была.

"Вотъ за то, когда помрете,
"Вамъ воздастся по дѣламъ:

"Въ пламень адскій попадете
"Прямо въ общество къ чертямъ!"

Мимо церкви въ это время
Чертъ случайно проходилъ.
Слышитъ — черта поминаютъ.
Уши онъ насторожилъ;

Подобрался подъ окошко
И прислушиваться сталъ.
Все, чѣмъ попъ народъ морочитъ.
Чертъ все это услыхалъ.

Повалилъ народъ изъ церкви;
Наконецъ, выходитъ попъ.
Чертъ къ нему... Сверкнулъ глазами
И попа за рясу — цопъ!

"Ну-ка, отче толстопузый,
"Что про насъ ты въ церкви вралъ? —
"Отвѣчай, какія муки
"Бѣднякамъ ты обѣщалъ?..

"Чертомъ вздумалъ ты пугать ихъ,
"Страшнымъ адовымъ огнемъ!..
"Что имъ адъ?.. Они и въ жизни
"Терпятъ тотъ же адъ... Пойдемъ!.."

Попъ бѣжать... Но чертъ за воротъ,
Какъ щенка, его поймалъ

И. поднявъ съ собой на воздухъ.
Въ даль туманную помчалъ.

Онъ принесъ попа къ заводу.
Въ дымныхъ, мрачныхъ мастерскихъ
Печи яркія горѣли;
Адскій жаръ стоялъ отъ нихъ.

Молотъ тысячепудовый
По болванкѣ ударялъ
И фонтаномъ искръ горящихъ
Всѣхъ рабочихъ осыпалъ.

А машины грохотали,
Точно въ небѣ іюльскій громъ;
Стѣны толстыя дрожали, —
Все ходило ходуномъ.

И куда нашъ попъ ни взглянетъ, —
Всюду жаръ, огонь и смрадъ:
Сталь шипитъ, валятся искры,
Духота... — Ужъ чѣмъ не адъ!

У попа дыханье сперло,
Жмется, мнется, — самъ не свой.
Слезно къ черту онъ взмолился:
"Отпусти меня домой!"

"Что-жъ!?.. Такъ скоро надоѣло!?..
"Хочешь скоро такъ назадъ!?..

"Посмотрѣлъ ты очень мало:
"Это вѣдь еще не адъ!" —

Вновь схвативъ попа за воротъ,
Чертъ взвился подъ облака
И въ другую мастерскую
Опустилъ онъ толстяка.

Здѣсь средь мрака и шипѣнья —
Изъ огромнаго котла
Въ приготовленную форму
Лава яркая текла.

Вдругъ большими языками
Лаву стало вверхъ кидать...
Люди въ ужасѣ смертельномъ
Попытались убѣжать.

Но напрасно... Со страшной силой
Клокоталъ чугунъ въ котлѣ:
Обгорѣлые стонали.
Корчась въ мукахъ на землѣ.

Попъ отъ страха замирая,
Полы рясы подобралъ
И быстрѣй косого зайца
Изъ завода тягу далъ.

ФЕДОРУШКА.

"Барыня-сударыня, матушка Федорушка,
Что сидишь невесела,
Голову повѣсила?"

— Охъ, отстань, родименькій; отвяжись, невпорушка,
Безъ тебя тошнехонько,
Безъ тебя больнехонько,
Не мѣшай мнѣ морщиться,
Не мѣшай мнѣ корчиться! —

"Не пригоже, матушка, не идетъ, сударушка;
Ты вѣдь дама важная,
Барыня вальяжная!"

— Охъ была, родименькій, охъ, слыла, невпорушка,
Дамою я знатною,
Оченно пріятною,
Сытою, богатою,
Къ людямъ тароватою! —

"Знамо дѣло, матушка, вѣдомо, Федорушка:
Златомъ, серебромъ, поди,

У тебя хоть прудъ пруди".

— Было все, родименькій, было все, невпорушка,
Нынѣ же съ натяжками
Я живу бумажками,
Пестрыми, красивыми,
Заурядъ фальшивыми,

"Какъ же, такъ сударыня? какъ же такъ, Федорушка?
Гдѣ твои рублевики,
Звонкіе цѣлковики?"

— Вышли всѣ, родименькій, вышли всѣ, невпорушка.
На бумаги новыя,
Въ кабаки дешевые,
Нѣмцамъ за границею,
Дома — на полицію. —

"Ты сама бы, матушка, ты бъ сама, Федорушка,
Помянувъ родителей,
Въ морду бы хулителей!"

— Не молчу, родименькій; не молчу, невпорушка;
Я и обижаюся;
Плюнутъ — утираюся

И прошу прощенія
За свое смиреніе. —

"Дрянь ты стала, матушка; дрянь совсѣмъ, Федорушка!
Надо бы, красавица,
Намъ съ тобой поправиться."

— Поправляюсь, родненькій; дѣйствую, невпорушка.
Отдаю юстицію
Подъ надзоръ полиціи;
Обрываю армію,
Завожу жандармію! —

"Поищи, сударыня; поищи, Федорушка;
Ты хоть не опаслива,
Встарь была запаслива."

— Не найти, родименькій, не сыскать, невпорушка,
Въ небѣ ясна сокола;
Обнищала до гола,
Пропилась, прокралася,
Вся изворовалася! —

"Дѣло дрянь, сударыня; дѣло дрянь, Федорушка.
Что объ насъ повѣдаютъ,
Коль сосѣди свѣдаютъ?"

— Свѣдали, родименькій, свѣдали, невпорушка;

Плачутъ всѣ отъ радости,
Дѣлаютъ мнѣ гадости;
Плюютъ, да ругаются,
Вздуть меня сбираются. —

"На кого же, матушка, на кого жъ, Федорушка.
Рать тебѣ татарская,
Силища жандармская?"

— На себя, родименькій, на себя, невпорушка.
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтобъ не ныла жалобой,
Чтобъ ура кричала бы! —

А. Толстой.

ЦАРЬ И МУЖИКЪ.

("Рабочая Мысль", № 4.)

Говорили царю:—"Бѣденъ, теменъ мужикъ. Повели, государь, просвѣтить мужика!"
— Не мелите вы чушь,—съ сердцемъ вымолвилъ царь,—

Для чего это мнѣ просвѣщать мужика?
— Для чего и къ чему? —

— Если подать когда къ сроку онъ не отдалъ,
Такъ за это ему сорокъ розогъ вкатить!..
Если бѣденъ мужикъ,—значитъ, пьянствовать сталъ!..
А за пьянство его ужъ не миловать стать!
— Сыпь полсотни ему!..

— Онъ теперь терпѣливъ, молчаливъ, какъ стѣна;
И хвала, и почетъ мнѣ теперь отъ него,
А попробуй-ка я, позаботься о немъ,
Подучи, просвѣти хоть немного его...
— Такъ ужъ онъ и того!..

— Онъ не станетъ тогда и властей признавать,
Да и подать платить перестанетъ совсѣмъ;
И богатъ будетъ онъ... Да какой же мнѣ толкъ?
Скажетъ: "самъ я уменъ... обойдусь безъ царя!..
— Значитъ, къ черту его!.."

— И не сладить тогда никому съ мужикомъ:
Онъ силенъ, какъ медвѣдь, своенравенъ, какъ быкъ...
Да на счастье мое неразвитъ, неученъ,
И въ придачу къ тому жъ онъ тяжелъ на подъемъ...
— Не то бъ, боже спаси!..

— Нѣтъ!.. ужъ мнѣ мужика не пристало
учить;
Всероссійскую тьму ужъ не мнѣ разгонять!
Хотя и бѣденъ мужикъ, — да онъ подать
несетъ;
Онъ коснѣетъ во тьмѣ... ну, такъ что же?!..
— Вѣдь за то я и царь на Руси! —

ДЕПУТАТАМЪ *).

Депутатамъ отъ сословій,
Волостей и городовъ
Царь безъ дальнихъ предисловій
Объявляетъ пару словъ.

"Васъ за Ваши поздравленья
"Отъ души благодарю:
"Чувствъ покорныхъ изъявленья
"Любы русскому царю.

"Но я вамъ сказать обязанъ —
"— Знайте это, господа! —
"Конституціею связанъ
"Я не буду никогда!..

---

*) По поводу рѣчи Николая II въ 1895 г.

"Представительныхъ собраній
"Я съ пеленокъ не люблю
"И безсмысленныхъ мечтаній
"Я отнюдь не потерплю!
"И съ чего вообразили,
Что такой я либералъ?!
"Или вы уже забыли,
"Какъ папаша управлялъ!..

"Знайте жъ это Вы, дворяне,
"И крестьяне, и купцы,
"И Вы, — Эй тамъ! — тверитяне,
"Либеральные земцы!

"Мнѣ не нужны депутаты...
"Нужны русскому царю
"Лишь жандармы и солдаты —
"— Откровенно говорю!.."

ДОЗНАНІЕ*).

(Сказка)

До грозной Щуки вѣсть дошла, —
Доносчикамъ рѣчнымъ хвала! —

---

*) Авторъ — заключенный въ Петропавловской крѣпости.

Что дерзкимъ воспылавъ задоромъ,
Карась —адумалъ заговоромъ
Искоренить весь щучій родъ.
"Что скажетъ добрый нашъ народъ
Про этихъ бунтарей коварныхъ,
Безбожниковъ, неблагодарныхъ!
Не Богъ ли власть намъ, щукамъ, далъ
Надъ всѣми рыбами въ рѣкахъ?
Ахъ, онъ, проклятый радикалъ!
Онъ завтра-жъ будетъ въ кандалахъ!
И я клянуся головою,
Что этотъ заговоръ раскрою!"
Такъ наша Щука вопіетъ
И Карася къ себѣ зоветъ.
Карась былъ бунтовщикъ отважный, —
Онъ не сробѣетъ предъ судомъ;
Послѣдствія ему не важны...
Онъ молитъ Бога объ одномъ,
Чтобъ заговоръ открыться бы не могъ;
Карась былъ честенъ—видитъ Богъ!.
— "Свою виновность отрицать,
Карась, Вы будете едва-ли?"
— "Почтительно прошу сказать,
За что меня арестовали?"
У Щуки точныхъ данныхъ нѣтъ,
Но говоритъ она въ отвѣтъ:
— "Любезнѣйшій, я очень уважаю,
Да было бъ то извѣстно Вамъ,
Всѣхъ тѣхъ, кого я привлекаю

По политическимъ дѣламъ!
Хотѣла бъ всей душой своей
Окончить слѣдствіе скорѣй;
Вы сами тормозите дѣло!
Вы разсказать должны мнѣ смѣло
О всемъ. Я другъ Вамъ, а не врагъ!
Не слушайте всѣхъ рыбьихъ вракъ!
Вы скажете мнѣ: "отрицаю!"
Но я то, вѣдь, отлично знаю,
Что Вы замѣшаны кой въ чемъ,
Конечно, очень въ небольшомъ...
Но, слыша Ваши отрицанья,
Я прилагаю всѣ старанья,
Чтобы улики подыскать,
И можетъ быть... Кто-жъ можетъ знать!
При этомъ можетъ, вѣдь, открыться,
Что мнѣ теперь во снѣ не снится;
А кто заставилъ насъ копаться?..
Нѣтъ, лучше Вамъ самимъ сознаться,
Любезнѣйшій мой карасикъ"!
— "Тебя надую, куманекъ!
Я на себя вину приму,
Но цѣлый заговоръ спасу...
Я прокламаціи читалъ!"
Карась подумавши сказалъ.
— "Ну, а знакомы-ли съ Ершомъ?"
— "Коли скажу, что не знакомъ,
Возникнутъ хуже подозрѣнья;
Сознаться лучше, безъ сомнѣнья...

Я съ молоду его знавалъ
И часто у него бывалъ!
— "Гдѣ видѣлись въ послѣдній разъ?"
— "Конечно прослѣдили насъ;
Да и не станутъ гнать козявку!"
Карась тотчасъ назвалъ Селявку.
— "У ней недавно вмѣстѣ были
И за здоровье Ваше пили;
Болтали долго всякій вздоръ —
Невинный самый разговоръ;
Что-бъ показать, что онъ таковъ,
Я приведу десятокъ словъ..."
И Щукѣ разсказалъ Карась
Какъ онъ, къ Селявкѣ обратясь,
Сказалъ, что онъ у береговъ
Недавно видѣлъ рыбаковъ.
Тотчасъ-же Щука шлетъ приказъ
Ерша съ Селявкой тайно взять.
— "Я научу, мерзавцы, Васъ.
Какъ заговоры затѣвать!"
Ершъ взятъ на мѣстѣ преступленья:
Онъ весь, отъ ногъ до головы,
Одѣтъ какъ будто для сраженья —
Не скрылъ онъ ни одной иглы.
— "Зачѣмъ оружіе хранили,
Скажите, Ершъ, Вы у себя?"
— "Такъ предки всѣ мои ходили,
Порода такова моя!"
— "Но для спокойствія опасно

Хранить оружіе у гражданъ;
И ужъ, конечно, не напрасно
Былъ циркуляръ объ этомъ данъ!"
— "А какъ его я могъ читать?
Я жилъ одинъ въ глуби затона..."
— "Никто не можетъ оправдать
Себя незнаніемъ закона!
Но, къ сожалѣнію, не въ одномъ,
Васъ обвиняютъ также въ томъ,
Что тайно вы образовали
Сообщество, и что желали
Произвести переворотъ
Въ порядкахъ мирныхъ здѣшнихъ водъ;
Я ужъ давно веду дознанья...
Вотъ здѣсь всѣ эти показанья!
Детали всѣ ужъ знаю я.
Вы можете вину свою
Сознаньемъ облегчить..." — "Себя
Виновнымъ я не признаю!"
— "А между тѣмъ ужъ нѣтъ сомнѣнья,
Что Вы свершили преступленья!
И Ваши многіе друзья
Сознались; въ томъ клянусь Вамъ я;
Вотъ Вамъ..." и Щука прочитала
Все, что отъ Карася узнала.
"А, значитъ передалъ онъ, подлецъ!"
Вскричалъ обманутый боецъ:
"Ужъ видно показанья честны,
Коли и мелочи извѣстны!"

Ему и въ мысли не прійди,
Что только мелочи одни.
"Такъ знайте-жъ: да, весь этотъ строй
Съ его мертвящею нуждой
И съ деспотизмомъ Вашимъ гнуснымъ
Я презираю! Вамъ послушнымъ
Не буду! Да, мы замышляли!
Но отыскать насъ всѣхъ едва-ли
Удастся Вамъ! Карась предать
Хотѣлъ, но онъ не могъ назвать,
Кто третій съ нами былъ тогда,
И не узнать Вамъ никогда!"
— "А! значитъ трое Васъ, друзья!"
Смекнула Щука про себя
"...И если бъ Вы меня пытали,
Вы ничего бы не узнали!.."
Селявка чуть не обмерла,
Когда была приведена.
Клялась святыми, небесами,
Она преступными дѣлами
Не занималась и не знала,
За что въ тюрьму она попала.
— "Да, тяжки наши обвиненья;
Къ Вамъ быть не можетъ снисхожденья:
Вѣдь Вы стояли во главѣ,
Все это, вѣдь, извѣстно мнѣ!"
— "Но мнѣ-ли, мнѣ-ль, Селявкѣ малой
Такою тѣшиться забавой?
И кто-бы слушать сталъ меня?

Свидѣтель Богъ — невинна я!"
— "Эхъ, дура, дура! Вижу сразу"
Но прежде я тебя поглажу!
О, нѣтъ! Напрасно Вы такъ скромны, —
Вы образованы, способны;
Я это вижу по всему,
Дивлюсь я Вашему уму!
И всѣ товарищи твердятъ,
Что Васъ они боготворятъ!"
— "Но кто же, кто?!" — "Ну, Ершъ,
Карась!.."

Сказала Щука, горячась.
"Ну, да... прибавила она,
Какая-бъ ни была вина,
Пока еще не будетъ поздно,
Исправить это дѣло можно;
При томъ условіи, конечно,
Что Вы сейчасъ чистосердечно
Свои ошибки объясните!"
— "Я рада; въ чемъ онѣ, скажите!"
— "Въ квартирѣ Вашей какъ-то было
Собранье..." — "Право, я забыла!.."
— "Былъ Ершъ, Карась, а третій кто?
Вы намъ должны назвать его,
Или поплатитесь сама!.."
Селявка назвала Сома...
Но я не точенъ! По прозванью
Она не знала звать его,
И Щука лишь по описанью

Врага узнала своего,
"Скажите! Сомъ! И кто бъ узналъ,
Что онъ опасный радикалъ?
Подумать это просто больно!
Ему ли не жилось привольно?" —
Онъ лично Щукѣ былъ знакомъ
И самъ жилъ маленькимъ князькомъ! —
Но время нечего терять,
Сома пришлось арестовать.
И что-же, что-же оказалось?
Въ его квартирѣ сохранялось
Все, что всего было важнѣй
Для заговорщиковъ-вождей:
И около двухсотъ страницъ
Документовъ, и списки лицъ,
Которымъ можно довѣрять
И порученія давать.
Что-же? выборъ былъ не плохъ:
Сома кто-жъ заподозрить могъ?
И если-бъ не попуталъ грѣхъ
Ерша и Карася, то... Эхъ!
Да въ томъ-то, вѣдь, и вся бѣда
Бываетъ Ваша, господа!
Вы честны, смѣлы — грѣхъ сказать,
Но не умѣете смолчать!..

Пескарь.

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА
Д. ДУШИН

ЧТО ТЫ СПИШЬ ДУРАЧЕКЪ?

Что ты спишь, дурачекъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь жандармы твои
Не удержатъ ее!
На Россію взгляни,
Что было, что есть
И что будетъ еще?
Вѣдь чиновничій людъ
Беззаконья творитъ,
Въ деревняхъ, городахъ
Смерть и голодъ царитъ.
Но рабочій народъ,
Свою силу познавъ,
Громко требовть сталъ
Человѣческихъ правъ.
Ужъ и земцы тебя
Ограничить хотятъ,
Родовые князья
Про свободу кричатъ.
Вспомни время свое,
Какъ позорно оно!
Сколько крови людской
Ты напросно пролилъ,

Отъ дѣтей, матерей
Ты кормильцевъ забралъ;
На суровой странѣ
Воевать посылалъ,
И какъ били тебя
На землѣ и моряхъ,
И посмѣшищемъ сталъ
Ты у всѣхъ на устахъ.
А теперь во дворцѣ
Ты въ сомнѣньи сидишь
Конституцію дать
Все боишься, дрожишь.
Но не дремлютъ бойцы:
За идею впередъ
Дружнымъ шагомъ идутъ —
Просвѣщаютъ народъ.

Что ты спишь, дурачекъ?
Вѣдь ужъ лѣто идетъ,
Вѣдь народъ, что просилъ,
Скоро силой возьметъ.
За свободою вслѣдъ
Просвѣщенье пойдетъ,
Пышно Русь расцвѣтетъ,
И народная мощь
Много явитъ чудесъ
Въ многолюдной борьбѣ
За всемірный прогрессъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ НАМѢСТНИКУ БЕЗЪ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

Дѣло было у Артура,
Дѣло славное, друзья,
Того, Ноги, Камимура
Не давали намъ житья.

Мы съ сосѣдкой желтолицей
Подрались за царя
"Полечу я вольней птицей
Да за синія моря".

Приказали намъ отъ брега
Удалиться въ два часа.
"Пропадай моя телѣга,
Всѣ четыре колеса".

Тамъ стоялъ Варягъ желѣзный,
И Кореецъ съ нимъ какъ разъ,
"Выходи, о другъ любезный,
Ужъ пробилъ свиданья часъ".

И враги рукою властной
Потопили сразу двухъ...

"Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ".

Портъ-артурцы проглядѣли,
Какъ на нихъ нашла гроза...
"Оглянуться не успѣли,
Какъ зима катитъ въ глаза".

И пустился въ путь дорогу
Самъ Макаровъ, нашъ герой...
"Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой".

Вотъ онъ прибылъ. Съ кораблями
Въ море вышелъ наконецъ...
"Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ?"

Долго портъ-артурцы ждали,
Да устали черезчуръ...
"Ужъ и яйца вздорожали
И осталось мало куръ".

И набравшись страху вволю
Стессель самъ пошелъ къ врагу...
"Мнѣ-де хочется на волю,
Цѣпь порвать я не могу".

Приготовлена ужъ лодка
Въ Нагасаки и домой...

"Ну, садись, моя красотка.
Только рядышкомъ со мной".

Съ Портъ-Артуромъ попрощайся,
Получивъ большущій носъ...
"Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый россъ".

Ходятъ плѣнные, какъ тѣни,
Безъ отчизны, безъ семьи...
"Ахъ, вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои".

Генераловъ вереница,
Офицеровъ безъ числа...
"Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила".

Грустно, вяло и не смѣло
Рать солдатъ пустилась въ путь,
"Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь".

Поработавъ на солдата,
Интенданты безъ гроша...
"Хороши наши ребята,
Только славушка худа".

Пріумолкла балалайка,
Что звучала на всю Русь,

"Дѣлать нечего, хозяйка,
Дай кафтанъ, ужъ поплетусь".

Куропаткинъ горделивый
Прямо въ Токіо спѣшилъ...
"Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ?"

Вотъ ужъ онъ на бранномъ полѣ,
Слава сѣверныхъ дружинъ...
"Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ".

А намѣстникъ уѣзжаетъ
Безъ возврата, навсегда...
"Птичка божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда".

Куропаткину обидно,
Что не страшенъ онъ врагамъ...
"Въ полѣ бѣсъ насъ гонитъ, видно,
И кружитъ по сторонамъ".

А китаецъ, какъ хозяинъ,
Раскричится иногда...
"Что ты ночью бродишь, Каинъ,
Чортъ занесъ тебя сюда".

А Ойяма наступаетъ
Ночью и при свѣтѣ дня...

"Посмотри, вонъ тамъ мелькаетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня".

Отъ Артура до Мукдена
Отступали мы толпой...
"Провозилась Аграфена,
Да ни съ чѣмъ пришла домой".

"КОНСТИТУЦІЯ".

Конституція прекрасна...
Но баронъ нашъ очень строгъ:
При "незыблемыхъ основахъ"
Посадилъ меня въ острогъ!

И сижу я въ "одиночной"
Съ конституціей моей...
И, какъ стихнетъ часъ полночный
Прижимаюсь крѣпко къ ней...

А она, трясясь отъ страха,
Тихо шепчетъ, что Медемъ
Ей сказалъ: "Смотри мерзавка!
Я тебя поймаю — съѣмъ!"

Отвѣчаю ей: "Не бойся!
Мы съ тобою здѣсь одни.

Ты озябла? На, прикройся,
И всѣ страхи отгони!

Ночь пройдетъ, — черезъ окошко
Мы увидимъ голубей"!
"Успокоилась, — спитъ крошка
И во снѣ кричитъ: "Не бей!"

Что ты, что ты? Богъ съ тобою!
Это я, а не Медемъ!..
"Ахъ!.. а мнѣ... приснилось, будто
Здѣсь баронъ и шепчетъ: съѣмъ!"

Ночь долга. Тюрьма угрюма
Я бѣдняжку сторожу...
Въ небѣ тучи — словно думы...
Я хожу... хожу... хожу...

Жду желаннаго разсвѣта,
Жду конца тяжелыхъ сновъ,
Жду отъ васъ, друзья, привѣта
Жду "незыблемыхъ основъ"!

Чириковъ.

ПѢСНЯ О БУРЕВѢСТНИКѢ.

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То крыломъ воды касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ, — и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ — жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей, — стонутъ, мечутся надъ моремъ, и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей. И гагары тоже стонутъ, — имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ... Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ.

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ; и поютъ, и плачутъ волны въ высотѣ, на встрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва — стонутъ

волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ, — гордый, черный демонъ бури, — и смѣется, и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, — онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, — нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ... громъ грохочетъ... Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній, и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи вьются въ морѣ исчезая, отраженья этихъ молній.

Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!..

М. Горькій.

РАЗРУШЕННЫЙ МОЛЪ.

(Фантазія.)

На сѣверѣ мрачномъ и дикомъ, гдѣ вѣтеръ холодный своимъ леденящимъ дыханьемъ всему угрожаетъ живому, гдѣ старыя сосны и ели, покрытыя саваномъ зимнимъ, лишь изрѣдка видятъ улыбку и ласку весенняго солнца, — когда-то въ безбрежное море гранитной стѣной выдавался далеко-далеко огромный, рукой человѣка воздвигнутый молъ.

Высоко и гордо поднявшись надъ уровнемъ бурнаго моря, смѣясь надъ порывами волнъ, стоялъ онъ — огромный и черный.

И волны морскія — могучія, вольныя волны — встрѣчались съ гранитной преградой, грозившей ихъ вольному бѣгу, — и длилась борьба вѣковая, и долго боролись съ преградой могучія, вольныя волны, пока не сломила ее тѣхъ волнъ непокорная воля.

И въ утро весеннее мая, лишь яркаго солнца лучи засіяютъ надъ моремъ, сильнѣй изумрудомъ блестятъ серебрянныхъ волнъ переливы, и волны, играя, рѣзвясь надъ бездонной

пучиною моря, пѣснь о борьбѣ вѣковой со стѣною гранитной поютъ.

Какъ вольныя птицы небесъ, были волны морскія свободны.

Буря мать ихъ баюкала пѣсней и въ весельи безпечномъ катились онѣ въ туманную даль... Но мрачный и злобный тиранъ, завидуя участи волнъ, ихъ свободы лишить захотѣлъ. чтобъ гордо онѣ не носились надъ мощною бездной морей, чтобъ яркому солнцу, лазурному небу игриво онѣ не смѣялись...

Послалъ онъ послушныхъ рабовъ.

Покорные волѣ владыки, рабы принялись за работу: холодныя скалы изъ нѣдръ доставали земли и въ пучину морскую бросали.

И море взыгралось.

Весело волнамъ глядѣть, какъ скалы на дно упадаютъ; скачутъ, рѣзвятся, хохочутъ, угрюмыя скалы ласкаютъ.

Шепчутся волны: "то-то раздолье! Изъ нѣдръ холодной земли къ намъ хмурые гости пришли.

Шумною пѣсней ихъ встрѣтимъ, теплымъ привѣтомъ и лаской согрѣемъ, въ морѣ родимомъ вмѣстѣ рѣзвиться, свѣтъ и свободу славить мы будемъ!"

Весело юнымъ волнамъ.

Буря, лишь, мать, да отецъ-ураганъ злоб-

нымъ свистомъ гостей провожаютъ, мрачно на скалы глядятъ.

А скалы все падаютъ, падаютъ въ море, тѣсно ложатся другъ къ другу, плотной стѣной растутъ, волны морскія тѣснить начинаютъ, ихъ бѣгу свободному путь преграждаютъ.

Смутилися волны, пугливо на мрачныя скалы глядятъ: впервые имъ путь прегражденъ, впервые ихъ скована воля...

И, робко свой бѣгъ продолжая, о скалы ударились грудью — со стономъ отхлынули прочь... Стѣна холодна, неприступна...

Вздрогнуло море...

Мчатся угрюмыя волны. "Измѣна, измѣна!" кричатъ. "Мы ихъ, какъ друзей, принимали. Свободу, свободу украли у насъ!"

Рыдаетъ мать-буря. Съ ревомъ и плачемъ несется отецъ-ураганъ.

"О скалы, о грозныя скалы! Когда-то и вы свободными были, когда-то и вы свободой дышали; зачѣмъ вы у дѣтокъ свободу украли?"

Нахмурились грозныя скалы. "Не наша въ томъ воля"... — такъ мрачнымъ стономъ отвѣтъ ихъ пронесся; зловѣще надъ моремъ нависли нѣмыя громады...

Помчалась мать-буря, помчался отецъ-ураганъ со свистомъ и плачемъ надъ моремъ; волны связываютъ, волнамъ вѣсть роковую несутъ:

"О волны! о бѣдныя волны! Погибла, по-

гибла свобода! Отнынѣ рабами мы стали"...

И мрачно умчалися прочь.

И замерло море...

Могучія старыя волны въ пучину морскую ушли; не будитъ ихъ буря, отецъ-ураганъ ихъ не кличетъ... И юныя волны угрюмо катятся, — не слышно ни смѣха, ни пѣсенъ о славной свободѣ; и солнце тускло такъ свѣтитъ надъ ними, и небо такъ хмуро, такъ сѣро кругомъ...

Лишь юныя волны порой, истомившись въ суровой неволѣ, отважною ратью сбирались, однѣ на врага ополчались...

Грудью, сомкнувшись, ударятъ объ острыя скалы — тщетно! нѣмыя громады не дрогнутъ... Гулкимъ эхомъ лишь стонъ раздается — то стонутъ разбитыя груди отважныхъ бойцовъ...

И плакало море...

Шли годы... И много прошло ихъ...

Много волнъ молодыхъ о скалы грудь свою разбивали, — все мрачнѣй и мрачнѣй становилось вокругъ...

Смирилися волны, утихли... "Будемъ ждать, будемъ силы набирать"...

Шли годы.

Окрѣпли юныя волны, гонцовъ во всѣ стороны моря онѣ разослали, спящихъ будить, всѣ волны на битву со скалами звать.

Спустились гонцы и въ пучины морскія къ

старымъ волнамъ — старыя волны звать на борьбу.

Старыя волны угрюмо сѣдой головою качаютъ.

"Нѣтъ въ насъ ни мощи, нѣтъ въ насъ порыва... Гдѣ намъ бороться! Гдѣ намъ со скалами спорить!"

Бросились волны гонцы родимыхъ искать, — матушку бурю, урагана-отца призывать. Рыскали по морю — нѣтъ ихъ. Въ горныхъ ущельяхъ нашли.

"Съ привѣтомъ, съ поклономъ, родимые, къ вамъ мы пришли.

"Оставьте вы тѣсныя горы, въ безбрежное море летите!

"Сорвите позорныя цѣпи, что духъ нашихъ братьевъ сковали!

"Вдохните вы въ старыя волны духъ жизни и жажду свободы!

"Сберите вы грозныя рати и дружно на скалы ихъ двиньте.

"Не страшна намъ борьба и смерть не страшна... Лишь было бы море свободно!"

Трепетно сердце забилось у матушки-бури, огнемъ загорѣлася кровь урагана-отца.

Рѣчи гонцовъ имъ напомнили — добрые, старые годы.

Ласковымъ взоромъ окинули юныхъ гонцовъ старики.

Изъ горныхъ ущелій въ безбрежное синее море ревомъ могучимъ несется призывный ихъ кличъ:

"Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ свободу спасать, свободу спасать, свободу спасать!

"Вставайте могучія волны! Разбейте оковы свободы, разрушьте преграды!"

Могучъ былъ тотъ кличъ боевой. Какъ вихря порывъ, какъ ударъ громовой, онъ властно надъ моремъ пронесся, спящихъ отъ сна пробуждалъ, старыхъ юными дѣлалъ, отвагу и бодрость внушалъ.

И волны вставали, и волны катились, послушныя зову борьбы.

Ночь глухая стояла надъ моремъ. Черныя тучи нависли кругомъ, какъ впервые раздался могучій призывъ.

Съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ волны сбирались, въ стройныя строились рати. Юныя волны отвагой горятъ, первыя къ приступу рвутся.

Молніей буря надъ моремъ промчалась, — ураганъ на помощь несется.

Заревѣла буря, загрохоталъ ураганъ...

Поднята рать.

"Впередъ, могучія волны! Смерть иль свобода!" Съ воинственнымъ кличемъ къ мрачной стѣнѣ понеслись.

Вздрогнули хмурыя скалы... близко ужъ

волны.. Несутся быстрѣй и быстрѣй, грудью впередъ выступаютъ, грудью ударились въ скалы — замертво пали.

Брызги пѣны, горячей, какъ кровь, высоко надъ небомъ взлетѣли, дымясь и клокоча, холодныя скалы омыли...

Стонетъ мать-буря... "Дѣти, родныя дѣти! Ужъ первыя пали, много еще васъ падетъ, но сломимъ силу врага!"

Море клокочетъ...

Павшимъ на смѣну волны несутся... Какъ онѣ грозны, какъ онѣ мощны! Съ грохотомъ, ревомъ въ острыя скалы ударятъ, отпрянутъ назадъ, снова ударятъ и, разбиваясь, братьевъ на помощь зовутъ.

Крѣпко скалы стоятъ.

И утро настало — сѣрое, мрачное утро. Все скалы стоятъ неприступно, все свищетъ надъ волнами буря. А волны все гибнутъ, объ острыя скалы дробясь, разбиваясь...

Но мрачно, безстрашно все новыя волны катятся, и нѣтъ имъ конца, нѣтъ имъ предѣла, грознымъ волнамъ.

Море ушло съ береговъ; всѣ волны въ одну собирались дружину. Стонъ и ревъ надъ моремъ стоялъ.

Самъ злобный тиранъ, что скалы на море надвинулъ, теперь ужаснулся. Вздрогнуло черствое сердце при видѣ могучаго натиска волнъ.

Ужаса полный, онъ радъ бы теперь скалы раздвинуть, мощнымъ волнамъ хоть частицу свободы вернуть.

Но поздно, тиранъ! Ужъ волны не плачутъ, ужъ волны не молятъ! Слишкомъ много погибло тутъ волнъ, слишкомъ сладостна месть за погибшихъ!

Нѣтъ примиренья.

Какъ могучіе львы, старыя волны на помощь младымъ понеслись! Разсыпались бѣлыя кудри... Земля задрожала кругомъ и солнце на небѣ померкло...

Несетъ ихъ отецъ-ураганъ, съ страшною силой на скалы бросая... И съ мрачной отвагой подъ кликъ бури могучей зловѣще и грозно несется новая рать...

Чуютъ кругомъ, или свергнетъ холодныя скалы она, иль море могилой ей станетъ.

Мѣрно, безстрашно несется впередъ. Дружно ударила въ стѣну — дрогнули скалы подъ мощнымъ ударомъ.

Замерли волны. Отпрянули взадъ, съ буйнымъ бѣшенствомъ ринулись снова... Все въ свалкѣ смѣшалось.

Стонъ и грохотъ надъ моремъ стоялъ, и море, казалось, со дна поднялось и съ небомъ слилось.

И рухнули скалы...

Подъ послѣднимъ ударомъ онѣ подались и

съ шумомъ зловѣщимъ сверглись въ морскую пучину, гдѣ павшія волны лежали...

"Прочь, позорные трупы!" Скаламъ низвергнутымъ море реветъ:

"Здѣсь могила отважныхъ борцовъ за свободу, здѣсь юныя волны лежатъ!"

Разверзлось дно моря и въ мрачную бездну съ проклятіемъ скалы упали... "Наша-ль вина?... Волнамъ — слава, намъ — вѣчный позоръ за позорное дѣло"...

Ликуетъ безбрежное море. Оно побѣдило могучую силу врага...

И волны свободно катятся, и славятъ погибшихъ борцовъ, что юною жизнью своею братьямъ свободу вернули.

Слава погибшимъ, живущимъ — свобода!

Г. Гершуни.

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА
Д. ДУШИН

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 07 05 02 002 0